

СВЕТЛАНА ПЕТРУШИНА

ЗЕРКАЛО

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Светлана Петрушина

Зеркало

<https://litres.ru/73979314>

SelfPub; 2026

Аннотация

Лида Рублева замужем за успешным ресторатором и живёт на вершине московского небоскрёба. У неё нет бытовых проблем, зато есть одиночество. В Рождественскую ночь Лида шепчет перед иконой: «Я прошу любви». И в тот же миг свеча в её руке гаснет.

Случайно наткнувшись в самиздате на таинственного Кирилла Морозова. Лида проглатывает его роман за ночь. Автор с рейтингом в три звезды пишет так, будто читает ее мысли.

Лида отправляет ему письмо.

Он отвечает.

Их переписка перерастает в нечто большее...

Содержание

Глава 1. В которой Лиде стыдно.	4
Глава 2. В которой Лида находит книгу.	13
Глава 3. В которой Лида снова смотрится в зеркало.	20
Глава 4. В которой Кирилл Морозов проверяет почту.	26
Глава 5. В которой Лида ждёт и не дожидается.	37
Глава 6. В которой Кир возвращается домой.	52
Глава 7. В которой Лида видит то, что не надо бы.	57
Глава 8. В которой Кир ждёт и злится.	68
Глава 9. В которой Лида попадает под дождь.	77
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Светлана Петрушина

Зеркало

Глава 1. В которой Лиде стыдно.

Данное произведение предназначено исключительно для читателей, достигших 18-летнего возраста. В книге содержатся откровенные сцены, ненормативная лексика, употребление алкогольных напитков и курение, а также могут затрагиваться темы физического насилия. Автор не пропагандирует и не одобряет подобное поведение, а напротив – показывает его негативные последствия и осуждает. Все события и персонажи являются вымышленными, любое совпадение с реальными людьми и фактами случайно.

— Господи, помилуй! — пел хор.

— Какая прелесть, правда, Вить? — благоговейно шептала и улыбалась женщина в соболях.

Её спутник, солидный мужчина лет 55-ти в часах Хаблот, согласно кивал. Он скрестил руки на животе, то и дело потирая указательным пальцем статусный зелёный циферблат, и скупающе переминался с ноги на ногу.

Лида стояла рядом с мужем. Игорь был в крокодиловых ботинках, которые они купили в Риме, в бутике, где продав-

цы запоминали всех покупателей по имени, потому что это было частью их корпоративной культуры. Правой рукой он устанавливал свечу в кандило. Свеча была длинная, дорогая и сужалась ближе к фитилю. Она горела ровно и без копоти. Лида смотрела на уверенно расходящееся в воздухе пламя и думала о том, что огню всё равно, сколько стоит воск.

Впереди, у самого амвона, расположились те, кому это было положено, — чиновники с охраной, замаскированной под прихожан. А также их, чиновников, жёны. В чёрных кружевных платках, воздушно повязанных на выющиеся блондинистые причёски. Чуть поодаль можно было увидеть бизнесменов, которые уже всё купили и теперь не знали, чего ещё хотеть.

Позади них расположились представители малого и среднего бизнеса. Они ещё не всё купили, но уже достаточно, чтобы стоять не у входа. Игорь был здесь. И Лида — рядом с ним, на полшага позади, как и полагается жене.

Остальное место было заполнено обычными людьми, которые пришли просто помолиться Богу. И лучше всех знали о том, что, где бы ты ни располагался в физическом или социальном пространстве, в конечном счёте перед Творцом ты окажешься наравне со всеми.

В толпе Лида заметила мужчину. Она обратила на него внимание, потому что он хрипло и трудно дышал.

Это был сутулый мужичок невысокого роста лет шестидесяти. А может, и нет. Возраст было сложно определить, по-

сколькy болезни, как известно, старят раньше времени. Он стоял неподалёку от Лиды, у колонны, и каждый вдох давался ему с трудом. При этом он был одет в белоснежную наглаженную рубашку, сияющую похлеще всех этих бриллиантов в Хаблоте. Да, она была пошита из дешёвой ткани, но отпарена настолько тщательно, что складывалось впечатление, будто её только что вытащили из-под утюга. Поверх рубашки был надет бежевый пиджак, поблёкший от неостребованности. Который был из тех вещей, что покупают один раз на всю жизнь. Пиджак сидел на хозяине мешковато. Плечи, некогда широкие, теперь обвисли.

Поводов для праздника у этого человека, наверняка, было немного — подумала Лида. Но сегодня в Рождественскую службу он, этот повод, конечно же, был.

Когда хор запел снова, мужичок опустился на колени.

Лида застыла, наблюдая.

Он читал молитвы. Поднимался. Опускался. И снова читал. Несмотря на то, что было тяжело. Вокруг него стояли абсолютно здоровые люди. Они зевали и перетапывались от усталости. А он — нет. То, как он себя вёл и с каким усердием выполнял ритуал, выглядело ошеломляюще! Каждое его медленное, тягостное, но отточенное до миллиметра движение было наполнено таким желанием жить, что Лиду пробирало до костей. Его губы двигались беззвучно, но она различала этот шёпот.

И поняла, что плачет.

Слёзы просто катились по щекам, оставляя за собой мокрые полоски, и приземлялись на воротник светлого кашемирового пальто. Лида не могла себя остановить или одёрнуть. Кто-то уже косился на неё. А Игорь и не заметил. Он смотрел на амвон.

Лида закрыла глаза, чтобы успокоиться. И поняла, что только что видела перед собой истинный пример абсолютнейшего жизнелюбия. Не от доморощенных психологов в экране смартфона. А от такого вот тихого человека, преданного Богу и вере.

Служба кончилась. Толпа медленно потекла к выходу.

Игорь взял жену за руку и повёл за собой, прокладывая путь. Они проходили мимо мужичка, который всё ещё стоял у колонны, но теперь просто смотрел на иконостас. Лида обернулась. Ей хотелось что-то сказать ему. Но что, она ещё не придумала.

«Спасибо»?

«Я вас запомню на всю жизнь»? Всё это было бы глупо. И он бы не понял. Или понял бы, но смутился. Такие люди не привыкли, чтобы их замечали.

У выхода Игоря остановил какой-то партнёр. Лида уже привыкла к тому, что эти партнёры вырастали из-под земли в самый неподходящий момент. Мужчины заговорили о делах. А она молча стояла сзади.

И тут Лида увидела икону, висевшую слева от выхода. Икона была небольшая, в позолоченном киоте, с лампадкой,

которая теплилась красноватым огоньком. На ней была изображена Матрона Московская. Её живые, внимательные, всё понимающие глаза смотрели прямо на Лиду.

Перед иконой лежали цветы и догорали чужие свечи с чужими просьбами. Лида отступила обратно к Игорю и аккуратно вытащила из его зажатой руки последнюю толстую свечу, сужающуюся к фитильку. И вернулась к образу.

Матрона снова смотрела на неё. И Лида, сама не понимая до конца, как так вышло, заговорила. Только не вслух, а про себя.

— Матронушка... Я не знаю, как тебе молиться. Меня не научили. Но если ты слышишь... я прошу...

Она запнулась.

Чего она просит?

Чего она хочет?

Ведь у неё всё есть.

И вдруг, ответ пришёл сам собой:

— Я прошу у тебя любви.

Она не уточняла, какой. Не говорила, что «любви мужа». Или «любви к жизни». Просто любви. Как будто это слово вмещало в себе всё, чего ей так не хватало.

— Я очень одинока, Матронушка. У меня всё есть, но я очень одинока. Пошли мне... знак. Я не знаю, как жить дальше. Но я точно знаю, что живу неправильно.

Она замолчала. Внутри стало тихо. Лида поднесла свою свечу к чужой горячей свече, чтобы поджечь фитилёк. Но в

ЭТОТ МОМЕНТ КТО-ТО ВЫХОДИЛ ИЗ ЦЕРКВИ, ПУСТИЛ СКВОЗНЯК. И свеча погасла.

Лида вздрогнула.

Эта свеча была единственно горевшей.

Но теперь от неё поднимался лишь тонкий, едва заметный дымок. Он вился вверх не прямой струйкой, а как-то странно, точно танцевал. Или что-то говорил. А может, это и был знак?

Лида испугалась. Как будто всё это произошло не по законам физики, а по каким-то другим, более весомым законам. И в таком случае, потухшая свеча не сулила ничего хорошего.

Она оглянулась. Игорь всё ещё разговаривал с партнёром. Старуха крестилась у выхода. Мужичок в поблёкшем пиджаке исчез.

Лида снова перевела взгляд на икону.

Матрона смотрела на неё всё тем же тёплым пронизательным взглядом.

— Что это значит? — прошептала Лида.

Дымок исчез.

— Лида, ты где? — Игорь окрикнул её. — Пора ехать. Ты чего?

Муж заметил её потерянность.

— Ничего, — ответила Лида. — Вот только свеча потухла.

— Бывает. Тут сквозняк.

— Да. Сквозняк. — кивнула она и оставила свечу рядом

с иконой.

Но внутри что-то переменялось. Как будто дымок от свечи проник внутрь и остался там.

Они вышли на морозный воздух. Звонили колокола. Лида подняла голову к небу, но неба не было видно. Был только снег, падающий крупными хлопьями. И за снежной завесой угадывались купола храма.

Лиде было стыдно. За то, что она попросила любви. Муж к ней хорошо относился. Даже лучше, чем просто хорошо. Возможно, своей просьбой она разгневала Бога? Поэтому потухла свеча? Он дал ей всё. А она стояла перед иконой и просила любви. Это можно считать предательством?

Да и вообще, Лида не собиралась ничего такого просить и даже не думала об этом, выходя из дома.

Это был странный эмоциональный порыв, о котором она теперь страшно жалела.

Они сели в машину. Водитель плавно вырулил с парковки. В салоне было тепло. И запахло коньяком. Игорь сделал глоток из фляжки, которую всегда носил с собой во внутреннем кармане пальто. И протянул её Лиде. Но она покачала головой. Игорь пожал плечами и убрал фляжку обратно в карман.

Лида отвернулась к окну, чтобы не смотреть на мужа. Мимо проносились яркие гирлянды и пустые заснеженные московские проспекты.

Разглядывая цветные лампочки, Лида вдруг подумала, что, может быть, ей попросту не хватало остроты чувств? Но

острота чувств — это не любовь. А страсть. А страсть — это уж точно не то, о чём просят у святых.

А, возможно, всё было ещё хуже. И она сама не любила мужа. Поэтому ей казалось, что и любви никакой нет.

Она обернулась к Игорю, уткнувшемуся в телефон. Он не заслужил того, чтобы она стояла перед иконой и просила любви, как будто у неё ничего такого никогда и не было.

— Господи, — подумала она, — прости меня. Прости, что я просила любви у Тебя, когда он — вот он, рядом, живой, тёплый и заботливый. Прости, что я, наверное, плохая жена. И плохой человек.

Но даже эта молитва была нечестной. Лида просила прощения не потому, что искренне раскаивалась, а потому, что так было бы правильно.

— Ты сама эта потухшая свеча, Лида! — подумала она про себя. — И Игорь тут ни при чём.

Дома Рублёвых как всегда встретила чистота и тишина. Всё лежало на своих местах. Домработница хорошо постаралась.

Игорь разлил чай. И опустился в кресло перед телевизором.

Лида села на спинку дивана у окна и посмотрела на Москва-Сити. Стекланные башни привычно перемигивались. Иногда ей казалось, что у них свой особый язык. Она водила взглядом по небоскрёбам туда-сюда и думала, что вот она — вершина пирамиды. Пентхаус, в котором сидит жен-

щина и просит у Бога любви, потому что у неё всё есть, кроме неё самой. Дурная...

Лида рассмеялась от того, как точно она вписалась в эту метафору. И стала очередным доказательством того, что все пирамиды рано или поздно приводят в тупик.

Потом она оглянулась на мужа. У Игоря был крупный нос, широкие скулы, чуть тронутый сединой висок. Красивый мужчина. Статный.

Она улеглась на диван, чуть свесив голову, и стала смотреть в панорамное окно снизу вверх. Снег за окном, подсвеченный огнями небоскрёбов, теперь падал в обратном порядке.

В небо.

А может, в пропасть.

Но и в первом, и во втором случае, надо признаться, это равноценно завораживало.

Глава 2. В которой Лида находит книгу.

После праздников город по обыкновению ещё стоял в новогодних гирляндах, на которые уже никто не смотрел.

Башни Москва-Сити напоминали стеклянные клыки, которые пытались растерзать низкие серые тучи снежного заряда. Ветер лупил метелью в панорамные окна. Лиде нравилась такая погода, да и вообще она любила начало года. В январе жизнь отсчитывалась заново. Но сегодня она этого почему-то не чувствовала. Январь, по её теперешним ощущениям, ничем не отличался от декабря или марта.

Игорь уехал в ресторан. У него всегда находились дела. Особенно после праздников. Для рестораторов новогодние каникулы были горячей порой, после которой начиналась ещё более горячая — обновление кухни.

Лида налила себе бокал красного вина. Она не приветствовала такой способ расслабления, но в последнее время он случался с ней всё чаще. Лида до конца не определилась, как к этому относиться. С одной стороны, бокал вина считался вполне себе безобидным занятием. А с другой — периодичность, с которой он наливался, вызывала неприятные мысли.

Лида зашла в кабинет и села за ноутбук. Она вела неболь-

шой блог, в котором публиковала заметки о своей жизни. Ей не нравилось ныть. И она не привыкла жаловаться. Но в последнее время глушить внутреннее недовольство стало не то чтобы невыносимо, но уж точно затруднительно. И говорить о душевных муках Лиде оказалось проще с теми, кто не был знаком с ней лично. Вот такой парадокс.

Ещё Лида писала книги. Хотя ей больше нравилось слово «истории». Она не была уверена в своём писательском таланте. И, по правде говоря, обоснованно. Но в то же время подобное занятие спасало её от нечегонеделанья и двигало с позиции «полный ноль» по положительной траектории. И это тоже был аргумент.

Последнюю историю она дописала два месяца назад и не знала, куда её пристроить помимо своего блога. Люди, которые давно читали Лиду, говорили, что она пишет «неплохо», или «хорошо», или «не зря», потому что «помогает отвлечься от бытовых проблем». У Лиды не было бытовых проблем, и ей сложно было оценить глубину подобной формулировки.

Она в сотый раз открыла отредактированный файл. Пробежалась глазами по первым строчкам:

«Господи, помилуй! — пел хор.

— Какая прелесть, правда, Вить? — благоговейно шептала и улыбалась женщина в соболях».

Нет, всё не то.

Хотя почему не то? Лида всё равно не собиралась ничего переписывать. А "то" могло и вовсе никогда не написаться.

А ещё у неё имелся список издательств, сохранённый в закладках «на всякий случай». Вдруг кто-то откликнется и скажет:

- Да, это интересно.

Ну или по крайней мере просветит, что сейчас модно писать. Терять-то всё равно было нечего.

Лида допила вино. Отмечая задним умом, что если бы не этот бокал, она вряд ли бы решилась что-либо куда-либо отправлять.

Рукопись тут же улетела в три крупных издательства. Синописис и краткая биография автора: «Лидия Петровна Рублева, 36 лет, замужем, г. Москва» прилагались соседними файлами. У Лиды Рублевой не имелось никаких регалий, премий, книжных публикаций. Была только история со знаком «?» вместо названия. Она забыла его поправить.

Первый отказ пришёл через три недели.

В вежливой форме было сказано, что роман не вписывается в редакционную политику издательства.

Второй последовал ещё через пять дней без разъяснений. А третий прилетел в начале марта. И был самым информативным.

«Лидия Петровна, мы видим, что у вас есть вкус, язык и чувство ритма. Но рефлексия, увы, не продаётся. Желаем найти своего издателя».

— Да пошли вы в жопу! — выругалась Лида вслух.

И решила: больше не страдать ерундой. В конце концов,

она жена ресторатора, и на это тоже уходит много сил.

Однако вечером, когда Игорь уехал на очередную дегустацию, какая-то сила заставила Лиду, зарекшуюся с утра не садиться больше за ноутбук, снова за него сесть.

Но на этот раз ей не хотелось писать. Она собиралась понять, что сейчас вообще печатают и читают люди.

Лида беспорядочно заходила на сайты читалок и издательств, клацала мышкой по цифрам страниц и листала-ли-стала-ли-стала... Сплошные детективы про маньяков и любовные романы с полуголыми торсами на обложках. Да, третий редактор был прав. Рынок не требовал рефлексии.

Лида уже хотела закрыть вкладку, но случайно кликнула на ссылку в рекламном баннере. «Самиздат. Читай и публикуй бесплатно».

Она пролистала раздел «Популярное». И её взгляд зацепился за обложку с названием «Зеркало».

Автор: Кирилл Морозов.

Серая зернистая фотография треснувшего зеркала выделялась на общем фоне приятным минимализмом. Рейтинг: три звезды. И два комментария: «Не понял ничего. Бред» и «Слишком умно, автор выпендривается».

Лида хмыкнула. Её всегда веселили подобные умозаключения.

В свой адрес она тоже такие получала. В её маленьком блоге были женщины, которые писали: «автор выпендривается» или «поучись писать у Карамзина, выскочка».

Лида скачала ознакомительный фрагмент. И начала читать.

«Каждое моё утро начиналось со стука чайной ложки из старого советского сервиза...»

Лида прочитала эти строки. И остановилась.

Она тоже слышала этот звук каждое утро, когда Игорь размешивал смузи из сельдерея. По этому заунывному ритмичному лязганью можно было сверять часы. И Лида никогда не думала, что кто-то помимо неё будет придавать такой мелочи значение. А тут какой-то писатель из самиздата...

Лида снова уставилась в текст. Через пятнадцать минут ознакомительный фрагмент кончился, и она поняла, что не хочет останавливаться. То, что она читала, было похоже даже не на книгу, а скорее — на разговор с самим собой. Как будто кто-то сидел где-то далеко и думал те же мысли, что ежедневно думала она.

Следующие два дня Лида провела в телефоне.

Она читала роман ночью, когда Игорь спал. И утром, когда он размешивал свой сельдереевый смузи.

Она слушала его в машине по дороге к врачу — в тот день у неё был плановый осмотр перед попыткой ЭКО. Она сидела в очереди среди женщин с озабоченными лицами и мужей с виноватыми глазами, и читала.

Всё написанное было про неё. Конечно, не буквально. В романе не было женщины из небоскрёба. Или мужа-ресторатора. Но было то самое чувство пустоты, которое Лида но-

сила в себе последний год.

И какой-то Кирилл Морозов из самиздата, с рейтингом в три звезды, догадался написать об этом.

Дочитав последнюю страницу, она ещё какое-то время сидела задумавшись над горящим экраном телефона.

А потом сделала то, чего не делала никогда в своей жизни. Зашла в профиль автора.

Пусто. Только имя — Кирилл Морозов. И электронная почта внизу.

Лида скопировала адрес и начала писать.

Тема: Ваше зеркало у меня.

"Кирилл, здравствуйте.

Я не знаю, с чего принято начинать письма незнакомым авторам. «Дорогой писатель» — звучит как обращение к Деду Морозу. Поэтому давайте без зачина — всё равно вы, судя по всему, не любитель формальностей. «Зеркало» — это лучшая книга, которую я прочитала в последнее время. Потому что это действительно зеркало. В котором я себя увидела. И да... я не из тех, кто пишет восторженные отзывы всем подряд. Обычно я вообще ничего не пишу. Но ваш текст проделал во мне дыру. Приходится как-то реагировать.

Помните сцену в самом начале, где лирический герой слушает один и тот же стук чайной ложки каждый день? Так вот. Мой муж каждое утро размешивает смузи из сельдерея серебряной ложкой ровно тридцать секунд. Пять лет я слышу этот звук. Вот такое вот совпадение.

В общем, я хотела сказать спасибо. И ещё — что ваш текст не «бред», как пишут в комментариях.

P.S. Кстати, меня зовут Лида Рублева, и я тоже из Москвы."

Она перечитала написанное.

Это было слишком по-дурацки. Но тут... чёрт его знает, что произошло. И она нажала «отправить».

Глава 3. В которой Лида снова смотрится в зеркало.

Он ответил через два дня. Лида уже успела убедить себя, что этого не случится, потому что автор с рейтингом в три звезды, вероятно, мизантроп, который не отвечает на письма.

Она сидела на кухне, пила кофе и смотрела, как Игорь загружает в блендер очередную порцию зелени.

Вдруг телефон пиликнул.

Она глянула мельком. И просияла.

От: Кирилл Морозов

Тема: Re: Ваше зеркало у меня.

— Я сейчас. — сказала Лида мужу и подскочила со стула.

Она зашла в свою спальню. Они с Игорем давно спали в раздельных. И села на край кровати. И открыла письмо.

"Лида,

спасибо за письмо. Честно говоря, я думал, что мой роман читают две бывшие и лысеющий мужик лет сорока пяти в очках, который выискивает в самиздате тексты для отдела пыток какого-нибудь издательства. Теперь, выходит, и вы — самая неожиданная из этого квартета.

Про Деда Мороза смешно. Про то, что хороший текст должен проделывать дыру, я не согласен.

Я всегда думал, что наоборот. Что текст должен дыры затягивать...

На самом деле роман называется «Кто пишет». Но модераторы не любят неопределённостей в заголовках. Говорят, что читатель хочет знать, о ком книга. Как будто книга может быть о ком-то, кроме писателя. Смешные.

P.S. Я правда редко отвечаю на письма. И только тем, кто слышит стук ложки))

P.P.S. Кирилл, 32 года, тоже Москва."

Лида застыла взглядом на этих двух цифрах.

Тридцать два.

На четыре года младше неё.

Всего на четыре. Но в её мире, где мужчины всегда были старше на пятнадцать, двадцать, двадцать пять лет, с парнем на четыре года младше и разговаривать-то было не о чем. Эти «четыре» ощущались психологической пропастью.

Лида никогда не любила мужчин-ровесников, а тем более младшеньких. Во-первых, потому что младшенькой привыкла быть она. А во-вторых... А во-вторых?... Да чёрт побери, он был умнее!

Лида тут же себя одёрнула. Так. Стоп! Почему она вообще обратила внимание на его возраст? Она же не думает, сколько лет бариста в кофейне, куда ходит каждое утро. Или про возраст водителя Игоря. Откуда тут такой интерес?..

Может быть, от того, что автор оказался моложе, но талантливее? Но эта мысль слишком быстро осела для того,

чтобы быть правдой.

Лида не завидовала его таланту.

Она встала с кровати и подошла к зеркалу, внимательно посмотрела на себя. Ровно на 36 лет она и выглядела.

Русые волосы, собранные в небрежный домашний пучок, уже были с лёгкими вкраплениями седины. Лицо выглядело свежо, но у глаз угадывались морщины. И кожа была далека от 25-летней. Хоть ещё и гладкая.

Лида сняла халат. Осталась в белье.

Грудь — нормальная. Живот — выпирает. Бёдра — округлые, и на внутренней стороне заметная сеточка целлюлита.

Лида повернулась боком. Посмотрела на себя в профиль. Попыталась втянуть живот. Отпустила.

«Женщина — это скоропортящийся товар» сказал ей один раз престарелый любовник, когда они обсуждали возраст.

— Время, Лида, увы, работает не на женщин. И его не повернёшь вспять. Время можно «купить» ненадолго, периодически раскошеливаясь на косметологов и пластику. Но мужики всё равно хотят молодых.

Эта фраза засела в голове как заноза, которую вовремя не вытащили и она загноилась.

И теперь, стоя перед зеркалом, Лида чувствовала себя издеи́ем с истекающим сроком годности.

Игорь был старше на двадцать лет. С ним Лида ощущала

себя молодой автоматически. По сравнению с его пятьюдесятью пятью её тридцать шесть казались юностью. Не нужно было втягивать живот. И думать о целлюлите. Она была молодой женой по определению.

Но даже Игорь иногда заглядывался на двадцатилетних. Например, в ресторане, когда официантка наклонялась слишком низко. Или на пляже, когда мимо проходила девица в бикини. Конечно, он не позволял себе лишнего. Но взгляд-то задерживался. Лида видела это. И мысленно проигрывала сравнение.

Она вздохнула, надела обратно халат. И не стала ничего отвечать на письмо.

Вечером в гости к Лиде пришла её подруга Света.

У Светы была своя кофейня в «Афимолле», двое детей от разных браков и стойкое убеждение, что Лида зря похоронила себя в этом небоскрёбе.

— Ну, рассказывай, — кивнула Света, усаживаясь на диване. — Ты сегодня какая-то стремная.

— Спасибо, — усмехнулась Лида.

— Да не за что. Так что случилось?

Лида помолчала. Она не привыкла жаловаться.

— Ну что-что. Мне вот тридцать шесть.

— Я это помню. — кивнула Света.

— Молодость прошла.

Подруга фыркнула:

— Ты просто себя не видишь со стороны. Ты красивая.

У тебя фигура, как у девочки в двадцать пять. И лицо без ботокса, а это сейчас редкость.

— У меня целлюлит. И живот.

— У меня тоже. Кому это мешает?

— Всем.

Света задумалась. Потом посмотрела на Лиду взглядом, которым смотрят на подругу, когда понимают, что дело не в целлюлите.

— Ты грустная из-за мужчин?

— Не из-за мужчин. Из-за себя.

— Так что с тобой не так помимо целлюлита?

Лида вздохнула.

— Помнишь Абдуразакова? — начала она.

Света кивнула.

— Один раз он сказал мне, что женщина — это скоропортящийся товар. И что мужчины предпочитают молодых.

— Конечно, он предпочитает молодых, после того как жена постарше отсудила у него бутик на Бронной и дом в Жуковском. Молодых любить дешевле. — Света расхохоталась.

Лида тоже улыбнулась, но продолжила мысль:

— А как не поверить, Свет? Если вокруг — одни подтверждения. Это биология. А у меня уже срок годности истекает. Ещё пара лет — и всё. Спишут в утиль.

Света откинулась на спинку дивана. Грустно посмотрела на подругу, а потом вдруг хитро улыбнулась:

— Знаешь, что тебе нужно?

— Курс антицеллюлитного массажа?

— Да вот еще! Тебе, Лидка, нужен молодой любовник.

Лидка поперхнулась.

— Ты сдурела?!

— Ничуть! И главное, не чей-то мажористый сыночка,!—

не унималась Света. — А обычный парень. Просто молодой. Который посмотрит на тебя и скажет: «Ты офигенная, Лидка!». И ты ему поверишь. Потому что у молодых ещё нет вот этого цинизма дяди Абдуразакова. Они ещё не научились врать.

— Парестань!

— Я дело говорю. Тебе нужен тот, кто скажет, что с тобой всё окей. И это не я, не твой Игорёк и не психолог. Потому что если ты услышишь это от нас, то примешь как должное. А если от молодого пупсика — это сломает твой шаблон. Понимаешь?

— Понимаю. Но я не привыкла изменять мужу, Света.

— Да, я вижу. Ты привыкла изменять только себе.

Лидка замолчала. В голове у неё крутилось: «Кирилл Морозов, 32 года».

И эта мысль уже зацепилась.

Глава 4. В которой Кирилл Морозов проверяет почту.

Кирилл Морозов проверял почту один раз в неделю. Делать это чаще не имело никакого смысла. Он жил жизнью человека, который использовал емейл исключительно для того, чтобы указывать его как логин для различных сервисов. Да и вообще. Кто нынче пользуется электронной почтой по назначению? Скажем, для дружеской переписки?

И вдруг это письмо

Он обнаружил его около двух часов ночи, восстанавливая забытый пароль от личного кабинета автора в издательстве.

Тема: Ваше зеркало у меня.

Кирилл недоверчиво жамкнул по чёрным буквам заголовка, подозревая какой-нибудь магазин хозтоваров в изошрённом спаме. И начал читать.

И это был не спам.

Она шутила, попадая с ним во внутренний резонанс.

Она заметила стук ложки.

И разговаривала в том же ритме, в каком он писал. Это удивило его ещё больше. Но ровно до тех пор, пока он не вспомнил, что такой эффект мог получиться из-за того, что она только что закончила читать его роман, а темп текста в голове остался. Кажется, у этого понятия был даже термин.

Который он забыл.

Ладно. Допустим. Но даже учитывая эти обстоятельства, она всё равно была странная. Нормальная не стала бы писать письма, а оставила бы комментарий в профиле автора. По крайней мере, это было бы полезно для рейтинга. Кирилл и сам так сделал бы, будь он на месте читателя.

Он отложил телефон. Закурил.

Лида Рублева.

Ассоциативный ряд подкинул ему Андрея Рублева. Потом возникло ощущение, что недавно он где-то уже видел или слышал эту фамилию, но не в отношении иконописца.

Кирилл задумался, как эта Лида Рублева могла бы выглядеть? Он любил представлять. Это развивало воображение. В детстве Кирилл читал много книг без картинок, потому что его бабушка, всю жизнь проработавшая в советском детском саду, говорила, что так полезнее для фантазии.

Лида Рублева представлялась ему ироничной студенткой филфака. В рубашке с длинным рукавом в мелкий цветочек и в очках. Такая на волне интеллектуальной дурости. Может быть, она даже писала диссертацию о том, как Болконский разговаривал с дубом. Слишком уж точно она чувствовала текст. А по ночам тайком штудировала самиздат? Потому что настоящая современная литература уже давно переехала туда, а в издательствах осталась классика и коммерческая чушь про попаданок.

Он улыбнулся.

Эта картина ему нравилась.

Умная филфаковская девочка. Такие всегда носили шарфы не по погоде и спорили о Манделъштаме на прокуренных кухнях. С ними ему было легко.

Но что-то не сходилось. Эта Лида писала про мужа. А муж как будто бы не вписывался в нафантазированную концепцию.

А если Лида Рублева — неформальная библиотечка? Она носит на шее подвеску из бисера «тётя-сука», читает Пелевина, когда нет посетителей, и путешествует автостопом?

Нет.

В эту картину тоже не вписывается муж.

Кирилл взглянул на адрес электронной почты: lida.rubleva@...

Он открыл браузер. Вбил в поиск: «Лида Рублева».

Первая ссылка вела на страницу в «Википедии».

«Игорь Рублев — российский ресторатор, владелец холдинга Рублевъ. В браке с Лидией Рублевой».

Кирилл моргнул.

Ресторатор. Точно! Он слышал про его заведение на Большой Никитской. Он жамкнул по совместной фотографии супругов. Игорь Рублев улыбался в белой рубашке. Рядом стояла женщина, явно моложе, в скромном коричневом пиджаке. Волосы были аккуратно собраны в пучок. Она улыбалась отработанным светской улыбкой. Нет. Это точно не она.

Кирилл закрыл вкладку. Закурил новую сигарету, раз-

мышляя о том, что жёны рестораторов не пишут письма авторам самиздата. Это какая-то другая Лида Рублева. Москва-то, в конце концов, большая.

Он вернулся в поиск.

Но по запросу подкидывалась одна сплошная светская хроника с теми же героями.

Он выдохнул дым. И перешёл на вторую страницу поисковика.

И здесь увидел ссылку на авторский блог «Виды Лиды».

Уже через пару секунд было понятно, что автор письма и автор блога про «Виды» — одна и та же Лида.

Он узнал манеру и интонацию письма.

Кирилл пролистал пару постов и начал читать:

Сумочка Шанель и перспектива расширения

«В последнее время я то и дело возвращаюсь к рассказам Петра Мамонова.

Не знаю, почему. Мне он не близок. Но так получается.

И в "Закорючках" автор заметил уникальную вещь.

"На старых иконах всегда обратная перспектива: «рельсы» не убегают вдаль, а надвигаются на нас. Получается, что человек находится в центре: перед ним икона, предлагающая путь в бесконечно расширяющуюся Вечность; за ним такой же широкий путь к сладостям этого мира. «Сласти» всегда завернуты в очень привлекательную бумажку. Развернул, — а там виселица".

Мне метафора про точку и рельсы очень понравилась.

Наглядная.

Я поняла, что вот все эти материальные штучки — это и есть точка расширения.

Расширения нашего эго.

Сумка Шанель — по сути просто кусок дорогой кожи с фурнитурой за миллион рублей. И если вы возьмёте её в руки — она так останется куском дорогой кожи с фурнитурой за миллион.

Дело НЕ в самой вещи.

Дело в состоянии! которое создаёт нам эта вещь. Вернее, создаёт его, конечно, продуманный маркетинговый вихрь вокруг этой вещи. Но это уже за ширмочкой.

И когда ты идёшь по улице с сумочкой Шанель.

Ты промаркировалась.

Тем, что можешь себе эту сумочку позволить. В этот момент "эго" будто расширяется. И заходя в ресторан, ты чувствуешь себя размером с банкетный зал.

Потому что дофаминчик.

И удовольствие.

Ведь чужие глаза говорят тебе, что ты классная. И завидуют.

Но надолго ли это всё?

Все эти фантики.

Маркетинговые...

Сегодня ваша Лида в философском."

На фото была она. Та самая жена ресторатора.

Он закрыл блог. Резко. Как будто его застали за чем-то постыдным.

Скучающая дамочка - вот кто она! Жена богатого мужика, которой нечем заняться.

Он знал таких. Они ещё ходят на лекции по философии, покупают абонементы в театр и заводят блоги, в которых пишут о своём внутреннем мире. Который в конечном счёте оказывается размером с напёрсток.

Он рассмеялся в голос.

— Расширение эго через сумочку. Да... понимааааю.

Потом ему на глаза попался пост про писательскую среду.

Лида писала:

«Как-то раз мы болтали со старым другом о таланте.

Он мне сказал одну вещь. Я её послушала. Как обычно угукнула. И тут же забыла. А сейчас вспомнила.

Он сказал:

— Ты знаешь, Лида, абсолютно неважно, насколько ты талантлива. Уметь себя правильно подать – вот что имеет смысл. Ты можешь быть в тысячу раз талантливее какого-нибудь ландыря, но писать в стол. И в итоге – признание получит именно ландырь, который в себя верит больше и не стесняется себя продавать. Потому что талант — вещь субъективная, а сделать её объективной помогает ценник».

Далее Лида ныла, что ей нечего позиционировать. «Читаю про других: журфак МГУ, внештатный журналист, лауреат среди лауреатов. А я? Пишу посты с ошибками?»

— Да, — передразнил Кирилл в экран. — Ты пишешь посты с ошибками.

И закрыл страницу.

С каким-то странным чувством.

Ему было смешно от этой жены ресторатора. А с другой стороны, она понимала Мамонова? Про фантики и про виселицу. А может, и не понимала. Может, у неё вообще мысли ехали по двойному рельсовому пути от этих постов. Потому что писала их не она, а, скажем, та самая наемная студентка филфака, которую он представлял в начале. В рубашке в горошек. Или в цветочек.

Да к чёрту её.

Кирилл захлопнул крышку ноутбука.

И написал своей подруге Алине.

Вообще, по паспорту Алина была Альбиной. Но ей не нравилось это имя. Оно, как хозяйка сама не раз отмечала, походило на ледяную глыбу. Поэтому Аля и выкинула ненужные буквы из состава слова.

Кир встречался с Алиной несколько месяцев. Их познакомило старое окно.

Кирилл помогал бабушке-соседке выкидывать строительный мусор после ремонта. И среди всего прочего хлама выносил к мусорным бакам старые оконные рамы. Он почти дотащил их до помойки, как вдруг услышал сзади требовательный женский голос:

— Остановитесь! Как вы смеете выкидывать такую кра-

соту?

— Это дряхлые оконные рамы, они вон по дороге наполовину рассыпались. Что в них может быть красивого? — спокойно спросил он.

— Это не рамы. Это арт-объект! Вы ничего не смыслите в арт-объектах!

— Спорить не буду. — пожал плечами Кирилл.

И закрутилось.

Девушка оказалась отличницей Московской академии живописи. Она создавала цветные витражи в старых оконных рамах. Вставляла стёкла разного цвета, играла со светом, превращая хлам в галерейные экспонаты. Ей было двадцать четыре. У неё были длинные светлые волосы с розовой прядью. И вечно испачканные краской длинные острые пальцы.

Сначала они просто подружились. Алина заходила к Кириллу после пленэра, чтобы выпить кофе, показать новые эскизы или пожаловаться на токсичных преподавателей. В его квартире она напоминала солнечного зайчика. Алина никогда ему не мешала. Её устраивало, что он не приглашает ее в кино, не зарабатывает миллион в месяц и просто пишет свои странные тексты в своей странной квартире с жёлтым пятном от сигареты на обоях. Она говорила, что у него «аутентичненько». И это был лучший комплимент его образу жизни.

Потом они переспали. Это случилось как-то само собой.

Они встречались раз в неделю, иногда реже, если у Алины были зачёты или выставки. Она не спрашивала, есть ли у него кто-то ещё. Он не спрашивал, есть ли кто-то еще у неё.

И той странной ночью, начитавшись постов жёны ресторатора, он написал Алине:

— Ты спишь?

Ответ пришел сразу. В виде фото из мастерской. Она всегда так делала, когда была занята. Это значило:

— Не сплю, не отвлекай.

И приходилось не отвлекать.

Кир лёг на диван и уставился в раскрытое окно. Одну створку которого делала Алина. В виде ночного неба.

Он вспомнил, как она сидела прямо тут, в его комнате, разложив на полу цветные стёкла с вкраплениями серебряной крошки. И вдумчиво собирала их, как пасьянс, в старой оконной раме. Кирилл лежал на этом же диване и смотрел, как свет от лампы преломлялся сквозь стёкла и рассыпался по потолку звёздной пылью.

— Знаешь, Кир... — вдруг начала она, не отрываясь от работы. — Я тут недавно твою натальную карту посмотрела...

Кирилл усмехнулся:

— С каких это пор ты астролог?

— Я просто любопытная. Хочешь, расскажу?

— Ну, валяй.

Алина отложила стекло. Подошла к дивану. Опустилась на колени рядом с ним. И её лицо оказалось на уровне его

глаз. Свет от лампы теперь падал на ее розовые пряди и прозрачную светлую кожу, и Алинка сама была похожа на витраж.

— Твоя главная планета — Плутон. Представь, что твоя карта — это солнечная система, только в центре не Солнце, а этот Плутон. Понятно объясняю?

— Понятно, — кивнул Кирилл. — Только Плутон — не звезда. И даже не планета. Так пишут сейчас в учебниках.

— Да. Но у тебя всё крутится вокруг него.

— И что это значит? — спросил Кирилл.

— Это значит, что ты, Кир, не светишь и не греешь. Однако, обладаешь гравитацией. Ты затягиваешь на свою орбиту всяких разных людей, но специально для этого ничего не делаешь. В общем, в мире это называется харизма...

— Спасибо.

— Это не комплимент. Ты как Аид из царства мёртвых.

— Ты думаешь, у него была хвризма? — Кир улыбнулся.

— Я думаю, у него был магнетизм. Как у тебя. И ты честный. Ты привык докопываться до истины. Ты же поэтому пишешь? Ты роешь. Как шахтёр.

— А ты тогда Персефона? — рассмеялся Кирилл, накручивая на палец ее розовую прядь.

— Я Венера, если хочешь знать. Я за красоту, лёгкость и цвет. А ты за глубину. Ещё ты можешь делать странные вещи, и люди будут на них нормально реагировать.

— Что, например? — отозвался Кирилл.

— Ну, например...Тебе 32, а у тебя ни намек на стабильность там или жену. В твоём возрасте это странно. Но в то же время, тебя невозможно представить как-то иначе. Я бы, наоборот, удивилась, если бы ты был женат....Еще ты можешь годами сидеть и писать свой роман, никому не показывая... Я вообще не понимаю, как ты можешь так долго никому ничего не показывать. Я бы лопнула...Но когда я читаю твою книгу, то мне это становится понятно...Ты просто погружаешься на глубину, где никого нет.

— Ясно. Спасибо за консультацию, Венера. А с тобой мы же...ну... как это у астрологов? В коннекте?

— Нет, — спокойно ответила Алина. — Мы не совпадаем по орбитам. Но нам хорошо, пока мы рядом. Правда?

— Правда, — подтвердил он.

— Если твой Плутон почувствует кого-то... Ну, кого-то важного... Ты сразу поймешь. И не сможешь пройти мимо.

Кирилл открыл глаза и вернулся в реальность. Перевёл взгляд с витражного окна на потолок. Его давно стоило подкрасить.

Он встал.

Снова открыл почту.

И написал ответ.

Жене ресторатора.

Глава 5. В которой Лида ждёт и не дожидается.

Следующие две недели Лида всячески пыталась гасить в себе мысли про Кирилла Морозова. Но он поселился в ней, как зубная боль. Причём не та, которая заставляет лезть на стенку. А, так сказать, в более изощрённой форме. Когда ты сам трогаешь десну, проверяя, болит ли зуб. Понимаешь, что болит. Но всё равно продолжаешь лезть туда языком.

За это Лида почему-то злилась не на себя. И даже не на объект своих душевных мук. А на Игоря.

Она полагала, что если бы тот уделял ей хотя бы малость повседневного человеческого внимания, то всего этого не случилось бы. Игорь привык, что Лида была рядом несмотря ни на что. И вот это вот «несмотря ни на что» стало самым главным пунктом их подпольного супружеского соглашения. Которое расхолаживало Игоря и, безусловно, играло не в Лидину пользу.

Однако даже в самом сухом правовом поле всегда есть пункт про «форс-мажор». Когда обстоятельства непреодолимой силы складываются таким образом, что выполнение контракта оказывается невозможным. И в этом случае самые железобетонные договорённости летят в тартарары. Лида, имеющая неоконченное юридическое образование, это

прекрасно понимала.

И в очередной раз проверяя телефон в надежде увидеть хоть что-нибудь от своего автора, она задумалась, а можно ли назвать Кирилла Морозова с дурацкой книжкой обстоятельством непреодолимой силы?

Или он был, вытекающим из договора, «дополнительным соглашением»?

Она не знала точно. Но подозревала второе.

Впрочем, эти мысли помогали ей пока ещё преодолевать непреодолимое — и ничего ему не писать.

Весна в Москве началась внезапно. Солнце стало тёплым. Воздух ощущался влажным от резко таявшего снега и близости Москвы-реки. Лида шла по Фрунзенской набережной навстречу Свете. Она увидела подругу издалека. Та была в ярко-розовом пальто и улыбалась ярко-розовой помадой.

— Привет, дорогая! — Света крепко обняла Лиду и погладила её по спине. — Ну, рассказывай, как продвигаются дела с любовником?

— Стоят на месте, — ответила Лида.

— По тебе и видно, что советами моими ты не пользуешься. — Света взяла Лиду под руку и потащила её вдоль набережной. — Чего опять грустная?

И тогда Лида спросила у подруги, отвернувшись к реке:

— Как ты думаешь, Свет, что будет, если я разведусь с Игорем?

Света резко затормозила и развернулась на высоких каб-

луках:

— А зачем тебе разводиться с Игорем? Ты сначала найди любовника, а потом разводишься. Женщины не уходят в никуда. Знаешь такую поговорку? Последовательность решает всё. Это как в ресторане: сначала заказываешь, потом оплачиваешь.

— Я уже каждый день об этом думаю...

— Господи, Лида! Мой дядя Коля каждый день хочет развестись со своей Лилечкой! Уже сорок с лишним лет прошло! Скоро золотую свадьбу отметят. Я не удивлюсь, если он поднимет тост и скажет: «Дорогая моя Лилечка, я собирался развестись с тобой пятьдесят лет назад, и забыл подать заявление».

Лида улыбнулась. Но ненадолго:

— Свет...

— Что «Свет»? — Света заглянула ей в лицо. — Ты темнишь. У тебя кто-то есть на примете, а ты мне не рассказываешь. Я тебе про дядю Колю вот рассказала, а ты — партизанишь.

Лида вздохнула.

— Да нет никого у меня на примете. Я давно уже в этих мыслях. И в одиночестве. Ты будешь смеяться, но в Рождественскую ночь я стояла в церкви у иконы Матроны Московской и просила любви...

Света задумалась. Потом сняла перчатку, сунула её в карман и взяла Лиду за руку.

— Тебе не любовник нужен. Ты, подружка, засахарилась.

— Что ты понимаешь под «засахарилась»?

— Это как у нас в детстве, помнишь, одна банка мёда на две семьи покупалась, и мы ели её как деликатес год. И в этой банке мёд из жидкого становился белым и твёрдым, потому что засахаривался... и мы с тобой его оттуда выковыривали столовыми ложками, и держали над горячим чаем, помнишь? И так он смягчался. Так и ты, Лид. Тебе нужно дело, которое тебя раскочегарит. Чтобы выйти из закороченного состояния. Ты же книги писала. Почему не попросишь Игоря тебя проспонсировать? Он же закатывает банкеты всем этим напыщенным издателям. Неужели не замолвит словечко за принцессу свою? — Света улыбнулась и сделала шуточный реверанс.

— Не замолвит. — Лида покачала головой.

— Почему?

— Уже был разговор. Я просила Игоря, чтобы он свёл меня с кем-то из издателей. Он сказал: «Не занимайся ерундой».

— Ерундой?! — Света снова остановилась. — Он назвал твою книгу ерундой?

— Он назвал ерундой саму идею того, что я могу заниматься чем-то. А книги мои он и подавно не читал... И, знаешь, не это даже обидно. Мне всё равно, читает он их или нет. Может, даже лучше, что не читает. Понимаешь, я как будто попросила у него не помощи как у равного, а разреше-

ния как у старшего. И он его не дал. И на этом дело закрыли.

— А какая ему разница, ерундой ты занимаешься или нет? Ты его жена, жён нужно поддерживать. Ты же ходишь с ним на все эти его светские рауты, а оно тебе надо...

— Я не знаю, Свет. Когда заходит хоть малейший разговор о том, что я могла бы делать что-то самостоятельно, он сразу начинает сопротивляться. Говорит: «А может, ты себя и обеспечивать сама будешь, раз ты в себя поверила?» И улыбается при этом. Так, знаешь, с подковыркой. Как будто бы больше всего на свете он не хочет, чтобы я в себя поверила. Ну а разве так может быть, если желаешь человеку добра?

Света посмотрела на подругу долгим взглядом. Потом вздохнула, поправила воротник своего розового пальто и сказала:

— Он боится, что ты упорхнёшь, как птичка. — Она сделала взмах рукой, изображая крылья. — А он хочет, чтобы ты сидела. И поэтому он сделает всё, чтобы ты не поверила в себя. Ведь если ты поверишь — ты улетишь. И он это понимает.

Лиде, откровенно говоря, так никогда не казалось. Она не чувствовала, что Игорь боится её потерять. Наоборот, он всегда подчёркивал, что она может уйти в любой момент, если её что-то не устраивает. Лиду и правда много чего не устраивало. Но она никогда не уходила.

Игорь позвонил после полудня в тот же день и сам предложил Лиде сходить на концерт саксофонистов. Лида уди-

вилась. Обычно все их совместные выходы были связаны с его работой. Но согласилась. Она не могла не согласиться. Во-первых, потому что ей действительно нравились саксофонисты, а во-вторых, это был хороший повод переключиться умом с застрявшего в мозгу писателя на Игоря.

Они договорились встретиться на месте в восемь вечера, чтобы успеть вместе поужинать до начала концерта. Местом был модный клуб на Остоженке. Лида оделась просто: джинсы, кроссовки, лонгслив с широкими рукавами. Этим вечером ей хотелось быть обычной.

В клуб она приехала без пяти восемь. Заняла столик у сцены. И заказала бокал белого. Музыканты настраивали инструменты. Лида любила наблюдать за этим моментом. Это была прелюдия магии.

В восемь Игорь не пришёл.

Она достала телефон и написала: «Ты где?»

Через десять минут экран оживился: «Партнёры задержали. Скоро буду».

Она кивнула сама себе. Допила бокал. Заказала второй.

В восемь тридцать музыканты заиграли. Место Игоря так и пустовало.

Лида снова написала: «Ты едешь?»

«Ещё пятнадцать минут. Они не уходят», — ответил Игорь.

В девять на столике стоял уже третий бокал. Лида смотрела сквозь него, будто через призму. Не пила и не слышала

музыку.

В начале десятого телефон завибрировал снова: «Всё, точно выхожу через полчаса».

Лида посмотрела на это сообщение. И написала в ответ: «Не надо».

Она встала. Подозвала официанта, сунула ему пятитысячную купюру и вышла.

На улице было тепло. Темнота опускалась на город медленно, как театральный занавес. Лида свернула в сторону Патриаршего моста. А внутри у неё всё закипало от несправедливости. И от того, что в очередной раз она поверила, что сейчас Игорь наконец-то бросит всех своих партнёров и придёт. Ну или хотя бы напишет «Прости, заяц». И она бы простила. Она всегда прощала. Даже когда он не просил.

Игорь редко признавал свои ошибки. Он, наверняка, оправдался бы: «Лида, я занимался делами, а не прохлаждался. Разве я виноват в том, что эти люди расселись и не уходили? Я не могу беспардонно выдворить тех, кто готов инвестировать большие деньги в мои проекты. На мне финансовая ответственность. В том числе и за тебя...»

Финансовая ответственность — это была настройка Игоря по умолчанию. И Лиде иногда казалось, что она единственная. А по остальным — тумблер, увы, стоял на нуле.

Она свернула в Берсеневский переулок и увидела бар в арке красивого отреставрированного дома. Над входом, представляющим собой узкую стеклянную дверь с зелёной над-

писью «на себя», горела утончённая бледно-жёлтая курсивная вывеска с надписью: «Библиотека».

Лида зашла. Было немногочисленно. Бледно-жёлтый свет лился из-под низких светлых абажуров.

Она села за угловой столик.

Бармен слегка улыбнулся, ни к чему не обязывая.

— Мне что-нибудь фирменное, — попросила у него Лида.

Парень кивнул и через минуту поставил перед ней бокал.

— Что это? — спросила она с любопытством.

— «Родион Раскольников». Водка, клюква и лимон.

Лида усмехнулась. Сделала глоток. Достала телефон. От Игоря ничего больше не было.

И тогда она открыла почту и написала:

Тема: RE: Ваше зеркало у меня.

Кирилл,

Сейчас будет немного странно. Но я сижу в баре и пью коктейль «Раскольников» из водки, клюквы и лимона. Клюкву и лимон я пока не чувствую, но водка определённо есть.

Я сегодня ждала мужа два часа. В клубе. Одна. Он обещал прийти. И не пришёл. Партнёры, дела, ещё пятнадцать минут, ещё двадцать минут, ещё тридцать минут и выхожу.

В итоге — через тридцать вышла я.

Бродила по Москве. Наткнулась на бар.

И подумала: может, нам встретиться? Не как автору с читательницей. А как... не знаю... Двум людям, которые слышат стук ложки?

Я в «Библиотеке» в Берсеневском переулке. Если вдруг свободен — приходи. Я ждала мужа два часа. Могу подождать тебя минут сорок. Тем более, что быстрее выпить эту бурдомагу (я про коктейль) не получится.

Если не придёшь — пойму. Доплю «Раскольников» и пойду домой.

Надеюсь, ты прочитаешь это сейчас, а не через неделю.

Лида.

Она уверенно нажала «отправить». Отложила телефон. И ей не было стыдно.

Лида не знала, как выглядит Кирилл Морозов. В сети не было ни единой его фотографии. А может быть, имя «Кирилл Морозов» и вовсе было всего лишь псевдонимом?

Она смотрела на редких входящих и выходящих посетителей и пыталась представить его.

Пусть он окажется худым, сутулым, в очках и в мятом пиджаке. Или маменькиным корзиночкой с пузом от котлет. Пусть он войдёт в бар, растерянно очертит взглядом периметр помещения, поправит очки шириной с палец... И тогда Лида сразу, мгновенно разочаруется. Отпустит его из головы с Богом. И вернётся к Игорю. Простит его за эти два часа и за остальное. И всё станет, как раньше.

Лиде необходимо было разочароваться. Она почти молилась об этом.

Когда до конца сорока минут осталось семь, дверь открылась. И вошёл он.

Лида обомлела.

Перед ней стоял крепкий парень под метр девяносто. С широкими плечами, какие бывают только от природы. Одет он был просто: в джинсы, тёмно-зелёную футболку и старую кожаную куртку. Волосы были тёмные, короткие. Но больше всего Лиду поразили его глаза. Он смотрел на неё так, будто видел насквозь. Или читал?

И сразу подошёл к её столику. Который с того момента стал «их» общим столиком.

У Лиды вспотели ладони. Она вытерла их о джинсы. Как ей хотелось бы думать — незаметно.

— Лида? — кивнул он.

— Кирилл, — ответила она и прокашлялась, потому что в горле пересохло.

Он сел напротив. Подозвал официанта, заказал чёрный кофе. Лида уставилась на его руки, потому что стеснялась поднять глаза. У него были красивые широкие ладони с длинными пальцами, напечатавшими текст, который она читала запоем две ночи напролёт. И он не носил часов за миллион, как все мужчины, с которыми Лиде приходилось выпивать в баре. Да и вообще никаких не носил.

— Ну, — сказал он, — вот мы и встретились в так называемой реальности. Нравится?

— Я не думала, что ты... такой высокий, — это было первое, что пришло Лиде в голову.

И она рассмеялась.

— Ну, извини... В выходных данных книги не указывается рост автора, — он улыбнулся.

И она не имела понятия, что говорить дальше. Ей приходилось общаться с банкирами, с их женами, с владельцами заводов и ресторанов, но она не знала, что сказать парню, сидящему напротив неё.

— Ты ещё, наверное, представляла меня в очках, с сигаретой в зубах и с печатью вселенской скорби на лбу? — он заметил её неловкий ступор.

— Ну примерно...

— Очки есть. Но я в них похож на бухгалтера. А бухгалтером я быть не хочу. Сигарета тоже есть. Скорбь — опционально, по настроению.

Она снова улыбнулась. И осмелилась посмотреть ему в глаза.

— Ты написала про мужа, — продолжил он. — Что ждала его два часа. Рассказывай.

И Лида рассказала про то, что она всегда на втором плане.

Она не знала, как так получилось. В какой именно момент ушло смущение и открылся кран с напором слов вместо воды. Возможно, во всём был виноват «Раскольников».

— Я думаю, — продолжала она уже как со старым другом, — что отношение к женщине — это показатель интеллекта мужчины. Заметь, не уровня образования, не социального статуса. А конкретно интеллекта. Потому что уважение — это способность увидеть кого-то кроме себя. И если мужчина

не способен на это — он дурак. Каким бы успешным ни был.

Кирилл отпил кофе.

— Ты довольно лихо прошлась по мужу.

— Сегодня он это заслужил.

— Не сомневаюсь. Но, знаешь, что я тебе скажу? Ты сейчас сидишь в баре, пьёшь водку с клюквой и говоришь мне, что отношение к женщине — показатель интеллекта мужчины. А сама ждала его два часа. То есть ты сама ему это позволяешь. Ты первая поставила себя на второй план. А теперь злишься на то, что он этим пользуется.

Лида хотела возразить, но не нашла слов.

— Ты всегда такой? — спросила она.

— Какой?

— Говоришь людям то, что неприятно слышать?

— Только тем, кто мне интересен. Остальным я говорю то, что они хотят слышать. Так проще.

Она посмотрела на его ироничный прищур.

И поняла, что разочароваться не получится.

Совсем.

— Давай лучше поговорим про твою книгу, — сказала Лида.

— Давай. Ты написала, что она как зеркало, в котором ты себя увидела. Но что такое зеркало? Это стекло с амальгамой. Можно развернуть его к окну — и тогда ты увидишь там окно. Можно — к китайскому сервизу. И тогда ты увидишь там китайский сервиз. Кто бы ни прочёл книгу, он увидит в

ней своё отражение. Это аксиома.

— Не в каждой книге можно увидеть своё отражение. Иногда в книге можно увидеть просто чёрные буквы на белой бумаге или белые буквы на чёрном экране. И это не книга плохая. Просто ты с ней не совпал, — ответила Лида.

— Ладно. Пусть так. Моя книга — твоё отражение. Или ты отражение моей книги. Перестановка слагаемых... ну, ты сама знаешь.

— Ты похож на свой текст, Кирилл, — вдруг произнесла Лида.

— Это плохо? Каждый автор похож на свой текст, — он улыбнулся и отглотнул кофе.

— Нет... Это... Как будто я тебя уже давно знаю. До всего. Потому что я тоже похожа на твой текст. Мы как-то одинаково устроены чтоли.

Они замолчали.

Абажур над их головами чуть покачивался, потому что кто-то вышел покурить и пустил сквозняк. Лида смотрела на Кирилла и чувствовала, как внутри что-то происходит.

— Мне пора, — сказала она.

Он подозвал официанта и расплатился за двоих. Лида хотела возразить, но он перебил:

— Ты ждала мужа два часа. Я заставил тебя ждать себя ещё полчаса. Так что это не галантность. Это компенсация морального ущерба.

Она в сотый раз за вечер улыбнулась. Они вышли на ули-

цу.

Темнота уже полностью опустила свой занавес и накрыла город. Фонари горели жёлтым. Где-то вдалеке шумела набережная. Лида достала телефон, чтобы вызвать такси. Кирилл стоял рядом, засунув руки в карманы куртки. Она чувствовала его присутствие спиной.

Пространство между ними стало вдруг очень плотным. И можно было бы почувствовать какую-то странную вибрацию.

— Такси будет через семь минут, — сказала она, глядя в телефон и не поднимая на него глаз.

— Хорошо, — ответил он.

— Мы ещё увидимся? — вдруг спросила Лида.

Он пожал плечами:

— Если получится.

Это прозвучало равнодушно. Словно всё, что было минутой ранее под абажуром, не имело для него никакого значения. Лида почувствовала, как внутри что-то сжалось. Но не подала виду. Улыбнулась той самой светской улыбкой, которую тренировала годами.

— Ну, тогда пока, — сказала она.

— Пока.

Такси подъехало. Лида просто села в машину.

Водитель свернул на набережную. Лида смотрела на фонари и понимала, что их силуэт теряет ровные очертания и размазывается от подкатывающих слёз.

Вот значит как.

Она ждала мужа два часа. Потом его. И в конце концов написала ему первой. Она позвала его в бар. Она рассказала ему про мужа. Она призналась, что они похоже устроены, а это вообще было самое личное, что она когда-либо говорила мужчине.

А он ответил: «Если получится».

Свет в её мокрых глазах распался на лучи. Становился размытым оранжевым пятном гуаши в темноте.

Лида зажмурилась. Слезы текли тихо, без всхлипов. Как у взрослых женщин, которые плачут от обманутых ожиданий.

Лида достала из сумочки телефон. Открыла переписку. В последний раз прочитала его письмо. И нажала «удалить всё».

Глава 6. В которой Кир возвращается домой.

От метро «Октябрьское поле» до его дома было пятнадцать минут ходьбы оживлённым шагом вдоль панельных девятиэтажек, которые выглядели вполне себе прилично, если не учитывать их подноготную в виде тамбурных разрисованных дверей и мусоропроводной вони между этажами. Припаркованные «Солярисы» отдыхали вдоль высоких бордюров, выкрашенных накануне белым акрилом. А ветер гонял по пустому тротуару обёртку от сникерса.

Кир шёл и курил. Пачка уже опустела. Он просадил половину по дороге, а другую половину у бара, пока ждал её. Сначала он стоял и курил перед входом, не решаясь зайти. Потом, когда она сидела за столиком, а он смотрел на неё украдкой через стеклянную дверь с зелёной надписью «на себя».

Пять секунд.

Десять.

Пятнадцать.

И он сам не мог понять, почему не заходит.

Страх. Вот что это было.

Кирилл всегда думал, что не боится женщин. Тем более каких-то светских жён рестораторов. Но сейчас всё склады-

валось вопреки привычному положению вещей.

Это было смешно. Или нет? Он ещё не решил.

Она оказалась другой.

Даже не так. Она оказалась ровно такой, как в их переписке. И это было тревожнее всего. Потому что, если бы она была салонной пустышкой, он по привычке разочаровался бы, допил кофе и уехал обратно в свою келью с ощущением, что ничего важного не случилось. Просто ещё один мираж развеялся.

Однако он не развеялся.

Конечно, он не ожидал ничего такого. Он, можно сказать, уже про неё и забыл. А тут это письмо:

«Я в Библиотеке в Берсеневском переулке. Если вдруг свободен — приходи. Я ждала мужа два часа. Могу подождать тебя ещё минут сорок».

Сердце застучало быстрее обычного — он заметил это с неудовольствием. Но вслух произнёс:

— Ну и ну! Жена ресторатора поссорилась с мужем, ей скучно, она хочет развлечься. А потом будет писать мне письма по ночам, пока ресторатор спит. Классический адюльтер в цифровую эпоху.

Но ирония почему-то не убеждала.

Лида сидела, устроив локти на коцанном по краям квадратном столике. И выглядела совершенно неожиданной для этих мест. Особенно с «Родионом Раскольниковым» в руке. И её взгляд, который она то и дело пыталась «держать», дро-

жал где-то на дне зрачков, как дрожала водка на дне её коктейля.

Она оказалась именно такой женщиной, какую он выдумал в своём романе. Не предполагая, конечно, что она вообще существует. Тем более на той социальной ступеньке, где сложнее всего было себе это представить. Алинка называла таких дам «небожительницами». И по иронии судьбы Лида такой и была. В прямом смысле. Она жила в небоскрёбе. Где, как справедливо отметил один испанский писатель, люди «вместо того, чтобы верить в Бога, верят в деньги».

Верила ли в них Лида? Он не спрашивал.

Его поразило другое. Она сказала, что он похож на неё. И Кир тоже так почувствовал.

Испугавшись, он ляпнул что-то про зеркало и китайский сервиз. И ещё какую-то высокопарную белиберду про отражения. Лида внимательно слушала. И в этот момент Кир чувствовал себя видимым. Не замеченным. Мало ли кто и когда на него смотрел? А именно видимым! Как будто она умудрилась заглянуть ему под кожу, покопаться в черепной коробке и переложить там всё по-своему.

До этого он был уверен, что никто никогда не прочтёт его роман, кроме четырёх близких друзей и бывшей любовницы. И это его не пугало. Скорее, даже облегчало. Ведь раз тебя никто не читает, то ты как будто бы никому ничего не должен. Кир не любил быть должен. А теперь появилась она.

Дома он не стал включать свет. Прошёл на ощупь мимо

вешалки, на которой болталась куртка, не убранная с прошлой зимы, и уставился в открытое окно с витражом.

Панелька напротив спала. Кир закурил предпоследнюю. И попытался, как сейчас любят говорить, заземлиться, чтобы понять, что он на самом деле ощущает.

Определённо была зависть. К этой женщине из небоскрёба с мужем-ресторатором и серебряными ложками. Кир презирал подобный образ жизни. И ему было невыносимо от того, что Лида оказалась «из этих», да ещё и смелее. Первая позвала его на встречу и честно сказала, что чувствует. Он бы не решился на такое. Он привык ждать первого шага от кого угодно, только не от себя.

Ещё присутствовал стыд. За то, что, когда она спросила, увидятся ли они ещё, он равнодушно ответил: «Если получится».

Как будто что-то зависело от абстрактного «если», а не от того, что он наконец встретил человека, способного правильно его интерпретировать. Зассал и возвёл вокруг себя стену из слов.

Идиот.

Ещё он чувствовал нежность. Это было самое неожиданное. И, пожалуй, самое постыдное в цепочке его самоощущений. Откуда вообще у него могло взяться трепетное влечение к женщине, которая пила дешёвую водку и говорила о богатом муже? Которая считала себя пустым местом, в то время как была...

Он не мог подобрать слово.

Не «красивой». Не «умной». Не «талантливой».

Настоящей. Вот.

А он, дурак, сказал ей, что она — отражение.

Ну и на самой вершине этой пирамиды красовалась глупая детская надежда. На то, что она напишет, потому что не забудет его, вернувшись в свою башню с панорамными окнами. И этот пункт трепал ему нервы больше всего.

Кир затушил сигарету о карниз. Посмотрел на соседнюю хрущёвку. И на небо. Которое было тёмным-тёмным. И о том, что начинался дождь, догадаться можно было только по запаху и внезапно раскачавшимся деревьям.

Он вернулся в комнату. Открыл ноутбук.

Впервые за месяц — он начал печатать.

Глава 7. В которой Лида видит то, что не надо бы.

Лида попросила таксиста остановить машину возле Москва-Сити «Международная». Ей не хотелось идти домой.

Она присела на край высокого бетонного бордюра, который, конечно, еще не успел высохнуть до конца от прошедшего пару часов назад ливня. Рядом были наставлены какие-то ограждения из белого пластика со светоотражающими кривыми полосками.

Высотки давно зажглись, создавая впечатление Нью-Йорка. Архитектор Борис Тхор, который всё это и затеял здесь много лет назад, как раз Нью-Йорком и вдохновлялся. Вдохновлялся им и строительный девелопер господин Доронин. Он говорил, что мегаполис — это как страна в стране. Как чистая энергетика. Как произведение искусства.

Лида вспомнила маленький домик из светлого кирпича на Вятке, в котором прошло её детство. Как она мечтала жить в поднебесье. Просыпаться утром и смотреть на город с высоты птичьего полёта. И вот её мечта сбылась. А счастья от этого она совершенно не испытывала.

Восторг растворился, как сахар в чае. Как будто всё это:

стекло, бетон, сталь, Доронин, Тхор и впечатление Нью-Йорка - изначально было не для неё.

Внизу, под землёй, гудело метро. Огни Москва-Сити отражались в мокром асфальте, и от этого складывалось впечатление, что башни растут не только вверх, но и вниз. В тёмную, зеркальную бездну.

На ум Лиде пришло слово «дубликат». И она подумала метафорой, в которой настоящая Лида, сидит на мокром бетонном бордюре. А ее жалкое и кривое отражение - во-о-он там, за семидесятым этажом небоскреба.

Чем темнее становилось в пространстве, тем ярче кипела жизнь на улице. В воздухе стоял звон каблучков, гул разговоров и намешанный с разных сторон в единую гремучую субстанцию запах французских духов.

Слева от Лиды сидели девчонки. Лет им было меньше, чем сигарет в пачке у таксиста из машины напротив. Может быть, семнадцать? Они были тонкие, звонкие, в одинаковых мешковатых худи без рисунков. И обсуждали, что хорошо бы "зависнуть" на крыше башни «Око». И что у кого-то из них вчера на вечеринке была "объективно чмошная" футболка.

Лида улыбнулась.

Телефон мигнул в кармане. Она заметила это через тонкий бежевый материал тренча.

Это был не Игорь. И не бессовестный автор. А оператор сотовой связи. Который оповещал Лиду о том, что пакеты интернета теперь доступны ей не полностью.

Она вздохнула, сунула телефон обратно в тренч и, нехотя поднявшись с мокрого бордюра, побрела пешком до дома вдоль многоэтажек.

В коридоре было темно. Лида включила приглушённый свет. Маленькие лампочки на тонких длинных подвесках зажглись. Они висели на разной высоте и отбрасывали на стены крупные ажурные тени.

Благодаря им Лида разглядела на журнальном столике в гостиной огромный букет белых пионов в прозрачной вазе из муранского стекла. Сейчас для пионов был совершенно не сезон, а значит, они стоили очень дорого.

Лида уставилась на них.

Из гостиной вышел Игорь.

— Где ты так долго была? — спросил он.

— На концерте саксофонистов... — с дерзким пренебрежением ответила Лида.

Игорь подошёл ближе.

— Ты, конечно, в очередной раз решила, что я мудака. Потому что до сих пор не понимаешь основную вещь. Я ухаиваюсь на работе не ради себя, а ради того, чтобы у нас всё было. И тещу в одиночку груз финансовой ответственности за нас обоих. Ты думаешь, мне хотелось сегодня там с ними сидеть до поздна? Эти люди... Это серьёзные деньги. Я не мог их бросить...

Лида смотрела на него молча, а потом сказала:

— Игорь, ты слышишь себя вообще? "Эти люди — это

серьезные деньги". Люди у тебя деньги. Ты можешь мыслить в каких-то других категориях?

— Как скажешь, дорогая! Пойди и заработай на своих книжках. А я буду сидеть в тёплой светлой квартире с бокалом вина и мыслить в других категориях! - огрызнулся он.

Лида сняла тренч и небрежно повесила его на вешалку.

— А пока ты ничего не добила, и мы живём на мои деньги, — продолжал Игорь. — Я имею право на бонус.

— На какой бонус? — она подняла на него глаза.

— Чтобы ты мозги мне не ебала своими категориями, ясно? — Игорь в ссорах не стеснялся в выражениях.

Лида ничего не ответила.

Она прошла в спальню и закрыла за собой дверь. Легла в кровать, не раздеваясь. Достала телефон. По привычке открыла почту.

Ничего.

— "Если получится..." — прошептала она про себя.

И положила телефон экраном вниз. Закрыла глаза и принялась водить указательным пальцем левой руки по горбинке на носу. Туда-сюда. Туда-сюда. Это было её детское успокаивающее движение, о котором она давно забыла.

Сознание, как назло, снова подкидывало его.

Кир сидел напротив в баре. Со своими широкими плечами в тёмной футболке, под которой угадывались мышцы. Короткие торчащие волосы хотелось потрогать.

Лида прокручивала в памяти, как он поставил на стол пу-

стую чашку из-под кофе и водил указательным пальцем по ее ободку, задумавшись. А потом почесал переносицу, и этот жест получился такой мальчишеский, что Лиде захотелось улыбнуться. Но она сдержалась.

Всё.

Стоп!

Нет больше никакого Кирилла с его дурацкой книжкой. Черт бы их побрал.

Забудь!

Она встала. Вышла в гостиную. Игорь смотрел телевизор в другом конце квартиры, не замечая её. Лида тихо прошла мимо него на кухню. Открыла винный шкаф. Достала начатую бутылку красного. Налила полный бокал. Поднесла к губам. Вдохнула запах вишни и дуба.

И вылила всё в раковину.

Вино потекло тёмной лужицей по нержавеющей, исчезая в сливе. Она смотрела на это несколько секунд. А потом сполоснула бокал, поставила его в сушилку и вернулась в спальню.

В своей комнате она скинула джинсы, натянула длинную футболку и легла под одеяло.

— Спишь? — дверь беззвучно открылась, и в проёме появился Игорь.

Он подошёл к окну. Верхняя узкая фрамуга была откинута.

— Ты же замёрзнешь. Ночью четыре градуса, — сказал он

и потянулся к ручке.

— Мне нормально, — тихо сказала Лида.

— Простынешь. У тебя и так иммунитет ни к чёрту.

Он закрыл фрамугу. Щёлкнул замком. Лида смотрела в потолок и молчала.

Игорь опустился на край кровати. И Лиду чуть накренило в его сторону.

— Ты знаешь, с кем я сегодня встречался? — начал он, и Лида поняла, что это надолго. — С Сергеем Витальевичем. Который в начале года продал сеть «Понял — ем». Он сейчас заходит в новый проект. Франшизу запускает. Хочет, чтобы я был консультантом по развитию сети. Учитывая, что авторские рестораны теряют в выручке, это будет отличным способом «поддержать штаны» в кризис.

Игорь увлеченно говорил что-то про квадратные метры и проходимость. Про какие-то цифры, которые должны были означать что-то важное.

Лиде хотелось крикнуть: «Замолчи уже, прошу! Можно я буду просто делать то, что я хочу?! Сейчас я хочу спать. И сама решать, когда мне открывать и закрывать окно... Можно я буду жить свою жизнь, а не твою?!»

Но она молчала.

— А потом мы поехали смотреть помещение на Тверской, там потолки четыре сорок, представляешь? Надо будет делать вентиляцию отдельную, потому что общедомовая не вытянет...

Лида слушала его и не слышала. Она смотрела на ту самую верхнюю фрамугу, которую он только что закрыл. И думала о том, что даже если окно в этом доме не принадлежит ей, то какой может быть вообще разговор...

Ровно через неделю Игорь влетел в квартиру, потирая руки, и возбуждённо затараторил:

— Лидка, прикинь! Инвестор из Питера хочет открыть наш ресторан у себя. На Невском. Сегодня будет наблюдать за работой зала, смотреть проходимость. Ты тоже нужна. Он будет с женой... Надень что-нибудь такое... ну, ты знаешь.

«Что-нибудь такое» в лексиконе Игоря означало, что нужно надеть что-то такое, что можно было бы конвертировать умом в рубли без особых усилий.

Она достала бордовый бордовый брючный костюм с атласными лацканами. Изящные туфли-лодочки на крохотном каблуке. Тонкие золотые серьги. Волосы собрала в низкий пучок, потому что так её лицо делалось более худым. А это очень нравилось Игорю.

Когда она посмотрела на себя в зеркало, то с привычным неудовлетворением отметила, что вновь видит там женщину, которая является лишь кривым отражением оригинала в луже....Но смирилась с этим.

В ресторане на Большой Никитской в этот вечер было немногочисленно. Игорь позвал дорогого пианиста, потому что инвестор из Питера испытывал слабость к живой музыке.

Инвестором, кстати говоря, оказался немолодой загорелый мужчина с золотыми «Ролексами» на запястье. Он сидел с женой за центральным столиком. Она, судя по всему, была чуть старше. И говорила с лёгким южным акцентом, всё время поправляя кружевную белоснежную салфетку на коленях.

Лида улыбалась ей, кивала и поддерживала беседу в лучших традициях светских раутов. Всё шло по плану. Ровно до тех пор, пока Лида интуитивно не подняла глаза на дверь.

Сперва она увидела молодую девушку. Та была в сером свитере оверсайз крупной вязки с растянутым воротом, который сползал с одного плеча, открывая изумительно выточенную ключицу и тонкую лямку алого кружевного топа. На другом ее плече болталась холщовая сумка с яркими самодельными нашивками. Девушка была молода, свежа, с естественным персиковым румянцем и с длинной светлой косой, в которую с очаровательной небрежностью вплеталась розовая прядь.

А сзади...

Шёл Кирилл.

Он был в той же кожаной куртке. И в той же тёмно-зелёной футболке. Кирилл придержал дверь для спутницы, пропуская её вперёд по законам этикета. Она обернулась и что-то сказала ему. Он улыбнулся. Точно так же, как улыбался Лиде в баре.

Лида не моргала. Спина заныла от напряжения. Ей стало

неприятно дышать. И тут же она испугалась, что покраснела.

Но никто этого не заметил. Все смотрели на пианиста.

Они прошли к столику у окна. Сели друг напротив друга. Девушка достала из сумки какую-то старую потрёпанную книгу и начала что-то показывать Кириллу, тыкая пальцем в страницу. Он кивал. Отвечал что-то. Они были слишком увлечены друг другом. Девушка смеялась, легко запрокидывая голову. Кир улыбался ей в ответ.

Лида отвернулась, чувствуя, что где-то в печёнках закипает неприятный осадок, утверждающий, что она никогда не была для него чем-то особенным. Он прекрасно жил свою молодую и свободную жизнь с какими-то другими людьми, красивыми девушками, читая потрёпанные книги и улыбаясь в страницы.

Официантка Галечка принесла им чай и два воздушных пирожных, усыпанных свежими ягодами. Кирилл подвинул одно пирожное девушке. Она взяла ложечку, попробовала. И закатила глаза от удовольствия.

Инвестор спросил что-то у Лиды. Она ответила невпопад. Игорь покосился на неё, но ничего не сказал.

Ужин кончился. Гости тепло распрощались с Игорем и Лидой, которые предложили проводить их до машины.

Путь лежал как раз мимо столика прекрасной незнакомки и Кирилла.

Лида шла, не чувствуя пола под ногами. Она не смотрела на него. Но чувствовала совершенно точно, что он на неё

смотрел. И когда они поравнялись, Лида вдруг, сама не зная почему, ласково обхватила Игоря за талию, прижалась щекой к его плечу и громко рассмеялась над каким-то остроумным замечанием инвестора. Это было так неестественно, что ей самой стало от себя противно. Игорь удивился такому поведению, но подыграл, приобняв её в ответ.

Лида не оборачивалась. Но краем глаза заметила, что Кирилл смотрел им вслед.

Как только дверь роскошного внедорожника инвесторов закрылась, она выдохнула и, понимая, что возвращаться назад будет невыносимо, сказала Игорю:

— Мне кажется, у меня давление. Можно я поеду домой?

Игорь был в приподнятом настроении, потому что инвестор, кажется, соглашался на сделку. Он ласково посмотрел на Лиду, обнял её и поцеловал в макушку:

— Мне нужно закончить дела. Но я вызову тебе такси, моя яшенька.

Так он называл её очень редко, но это было его любимым прозвищем.

Такси приехало через пару минут. Лида плюхнулась на кожаное сиденье. И вытащила ноги из чудовищно неудобных туфель. Она погладила экран телефона пальцем. И открыла почту. Ощущая шестым, а может быть, каким-то другим по счету чувством, что там должно что-то появиться.

И увидела письмо.

От: Кирилл Морозов

Тема: Ты была там.

Лида,

Я видел тебя. Ты сидела за столиком в центре зала и улыбалась тому, кто явно не заслуживает твоей улыбки. Я хотел подойти. Но не подошёл. Потому что рядом со мной была Алина, а рядом с тобой муж. И это было бы неловко.

Алина — мой друг. Иногда — больше, чем друг. Но сейчас не об этом.

Я пишу тебе из туалета ресторана твоего мужа. Это, кажется, самая странная фраза, которую я когда-либо писал.

Ты безумно красивая. Я, кажется, не говорил тебе этого в прошлый раз.

Поэтому говорю сейчас.

Кир.

Лида швырнула телефон экраном вниз.

И поняла, что пропала.

На этот раз окончательно.

Глава 8. В которой Кир ждёт и злится.

После той случайной (или не совсем) встречи в баре Лида Рублева так ничего и не написала Кириллу Морозову. В этом не было никаких сомнений, поскольку он проверял в почтовике даже папку «спам», которую не проверял никогда.

Отчего-то Кир был уверен, что она напишет первая. Он же её заинтересовал. Интуиция его никогда не подводила. Разве что один раз, когда на Бронной какая-то Аннушка — он готов был поклясться, что её звали именно так, — прилично и даже модно одетая, вздыхая о потере сумочки, просила у прохожих «хотя бы червонец» на проезд, Кир ей не отказал. А потом оказалось, что та самая Аннушка всё с той же незамысловатой просьбой оказывалась на Бронной, а также на Чистых прудах и Краснопресненской чуть ли не каждый день по очереди и по расписанию.

И сейчас, когда почтовый ящик пустовал без писем жены ресторатора, расхождение домыслов с реальным положением дел начинало пока ещё слабо, но уже с настойчивой периодичностью раздражать Кирилла. Однозначно намекая на то, что мир устроен куда более сложным образом, чем он привык думать.

Дошло до того, что фоновая мысль о Лиде мешала ему

работать. Каждое утро он садился за ноутбук и даже смотрел в экран. Но слова не шли. Вместо них в голову лезла она.

Он откидывался на спинку стула, закуривал и думал: «Что за галиматья? Я же знаю, как работает психика. Первоначальный интерес — это химия и гормоны. Дофаминчик, как она сама бы выразилась. Пройдёт через неделю. Ну или через две».

Но проходила неделя — и ничего не проходило. Да и вообще, кажется, становилось только хуже. Он начал погружаться в детали. Не то чтобы Кир никогда в них раньше не погружался. Какой писатель, позвольте спросить, этого не делает? Но теперь это погружение принимало тревожно однобокий характер.

Например, он вспоминал, как у неё с восторгом вырвалось: «Я не думала, что ты такой высокий». Это было забавно.

Или как она сосредоточенно говорила, будто раскладывала по полочкам, что «отношение к женщине — показатель интеллекта мужчины». Он тогда усмехнулся, но про себя подумал: «А ведь правда!».

Ещё он чувствовал себя кретином от того, что мгновенно согласился на встречу и примчался к ней в бар через пол-Москвы. Как будто ему пообещали что-то важное. Например, протекцию в крупном издательстве. Или будто её письмо имело гравитационный эффект и просто перевесило Кирилла в нужную сторону. Зачем ему это? Он вообще никогда

ни за кем не бегал и бабские жалобы на мужей не выслушивал.

К концу недели он снова полез в её блог. И, перечитав какую-то часть ленты, попытался в очередной раз убедить себя в том, что она пишет оторванную от реальной жизни чепуху, которую ему, как человеку противоположных жизненных мнений, даже читать стыдно. И немного успокоился.

На следующий день пришла Алина. Она заявила без предупреждения. И выглядела как обычно. Взлохмаченной, с розовой прядью, выбившейся из-под красной кепи, и в собственноручно разрисованных холщовых кедах, чуть мокрых от дождя. Из её сумки торчал пакет с абрикосами.

— Ты живой? — спросила она с порога. — Не отвечаешь на сообщения. Я даже, на всякий случай, решила проверить.

— Я работаю.

Алинка зашла в комнату и с любопытством заглянула в экран.

— Не ври. У тебя открыт пустой файл. Я вижу, — кивнула она в сторону ноутбука, попутно включая воду в раковине. — Страница номер один. Это глубочайшая работа. Чистый лист как символ философского минимализма.

— Очень смешно.

— Я старалась. — Она откинула абрикосы в дуршлаг и засунула один в рот. — Так что с тобой?

— Ничего.

— Кир. Я тебя знаю. Ты сам не свой. И куришь вон в два

раза больше. — Она кивнула глазами на пустые пачки. — Ты, в конце концов, а может, и в первую очередь, не пишешь. Что происходит?

— Творческий кризис.

— Творческий кризис бывает только у тех, кто творит. А ты уже неделю смотришь в пустой экран. Это не творческий кризис. Но выуживать бесполезно. Давай тогда поставим вопрос по-другому.

— По какому?

— Чем я могу тебе помочь?

Кир задумался, вглядываясь в стену, а потом вдруг сказал:

— Пойдём к Рублеву в ресторан на Большую Никитскую?

Алина поперхнулась абрикосом.

— К Рублеву?! Ты с дуба рухнул? Нет, ты точно заболел!

Это же пафосное место. Я туда в джинсах не пойду. И ты в своей куртке не пойдёшь.

— Пойду. И ты пойдёшь.

— Зачем? Ты вообще знаешь, сколько там стоит ужин?

— Знаю.

— И ты готов отдать столько денег за еду?

— Не за еду. А за атмосферу.

Алинка смешно поморщилась

— За атмосферу? Это неожиданно для человека, который спит на столетнем диване и фыркает на живые цветы в вазе. Какая тебе атмосфера?

— Хочу попробовать что-то новое.

— Что-то новое — это ресторан за двадцать тысяч?

— Да.

Алина покачала головой.

— Ты ненормальный. Но я привыкла. Ладно. Идём. Но если там будет скучно, ты мне должен два ужина в более подходящем для нас заведении.

— Договорились.

— И купишь мне ещё абрикосов.

— Хорошо. Я завтра за тобой заеду в шесть.

— В институт.

— С абрикосами. Я понял.

Вскоре Алина ушла. А Кирилл остался сидеть на кухне.

Он снова открыл ноутбук.

Ладно. Хрен с тобой, Морозов. Допустим, ты влюбился. Не в эту Лиду, естественно. А в идею, которую сам придумал. Кир задумчиво потёр переносицу. Но разве это что-то меняет? Или от этого легче? Нет.

Самое разумное и, пожалуй, единственно возможное в данном случае — пустить эмоцию на переработку в творчество. Придумать героиню. Написать про неё историю. Пусть она даже будет женой ресторатора. И поход к Рублеву поможет укрепить образный ряд...И понять?

Что понять?

Почему она не пишет?

Почему, чёрт возьми, она не пишет!

Он снова открыл блог. Горящая внизу единичка оповеща-

ла о наличии нового поста.

ЗаГон всемирного тяготения.

Я вот о чём сегодня подумала. Мужики приходят по запросу. Я в этом убеждаюсь. И с каждым разом всё бескомпромисснее. Затык лишь в том, что этот запрос почти всегда неосознанный. Я думаю, что теория половинок всё же существует. И это как закон всемирного тяготения! Партнёр даётся нам по принципу: в нём есть то, чего не хватает тебе. Стало быть, закон всемирного тяготения притягивает не похожее, а недостающее!

— Кикимора, — проговорил Кирилл вслух. — Притягивает недостающее... А сама говоришь, что мы похожи... Так что из этого правда?

Он хотел закрыть страницу. Но палец сам собой отмотал ленту назад. И наткнулся на её фото.

Жена ресторатора сидела на диване в своей квартире, закинув ногу на ногу. На ней была светлая хлопковая рубашка с длинным рукавом. Кирилл долго всматривался. Различая детали. Отмечая несовершенства. Или, наоборот, совершенства. И, в конце концов, комната небоскрёба поплыла... И он увидел Лиду уже в своей комнате. В той же рубашке, что и на снимке, но уже с расстёгнутым воротом. И в тёмно-синих джинсах, об которые она вытирала мокрые ладони в баре.

Он, Кир, всё так же сидел на стуле. На столе в тарелке лежали намытые абрикосы, которые только что притащила Алинка.

Лида подошла к нему ближе. И приземлилась на него так, что её бёдра оказались по обе стороны от его бёдер, а её пах — над его пахом. От неё исходило тепло хорошо растопленной деревенской печи. Он упирался в неё снизу, потому что контролировать эту часть тела в заданных условиях уже не представлялось возможным.

Она начала расстёгивать перед ним рубашку. Её пальцы двигались очень медленно и в то же время слаженно. Он смотрел на тонкие запястья, на ногти без лака, на костяшки пальцев, которые выступали, когда она бралась за очередную пуговицу. И тут он заметил то, что не бросалось в глаза раньше. На сгибах пальцев, там, где фаланги складывались в кулак, у неё были какие-то странные выпуклости. Как будто её руки однажды сильно прищемили.

Откуда это?

Что с ней случилось?

Эта мысль мгновенно мелькнула, и так же мгновенно перебилась видами кружевного белья, которое теперь отчётливо намечалось из-под расходящихся в стороны пол рубашки.

Бюстье нежно обхватывало её грудь. А сквозь плетение проступали сильно торчащие розовые соски. Он видел их так ясно, будто и не было между ними никакого кружева.

Шея сама повела его голову вперёд, чтобы захватить одним разом прямо через кружево. Язык почувствовал рельефную шершавую ткань с привкусом дорогого стирального порошка и духов. Он не сдерживался. И уже покусывал. Слышал её

шумный вдох и выдох. Чувствовал, как она прижималась к нему сильнее. И покусывал снова.

Кружево намочало от слюны. Розовый сосок проступал сквозь него ещё яснее. Кир обводил его языком медленно, по кругу. И переходил ко второму по той же схеме.

Она елозила по нему всё быстрее. Её пах прижимался к его члену сквозь два слоя джинсов, и он чувствовал, как она уже... Прямо так, не раздеваясь... И кончил вместе с ней неожиданно для себя самого.

Кирилл захлопнул ноутбук и встал. Джинсы были мокрыми. Он опустил глаза и почувствовал, как к лицу приливает жгучий мальчишеский стыд.

Он — взрослый мужик — только что кончил в джинсы от фантазии. Как прыщавый подросток, который случайно увидел женскую грудь в журнале.

Кирилл пошёл в ванную. Стянул штаны. Включил воду. В зеркале появился взлохмаченный, с расширенными зрачками мальчишка. Который пытался понять, что с ним только что произошло.

Он вытерся полотенцем. Натянул чистое бельё. И вернулся на кухню, чтобы закурить.

Сигарета дрожала в руке.

Да, он влюбился. И вся ситуация — как именно это произошло и с кем — была, пожалуй, самой дурацкой за всю его жизнь.

Где это видано? Влюбиться в жену ресторатора, которая

пишет посты про «закон всемирного тяготения» и сумочку «Шанель». Которая старше него, с явным прибабахом и, судя по всему, даже не думает ему писать...

Он снова глубоко затянулся. Выпустил дым в потолок и подумал, что любовь — как Аннушкино масло. Чёрт его знает, где разольётся, кому достанется и поскользнёшься ли ты на нём сам или тебя случайно зацепит трамваем на повороте.

И это стало первым предложением его нового романа.

Глава 9. В которой Лида попадает под дождь.

Вечер на Патриарших был окутан особым предгрозовым покоем. Такой бывает в Москве только в середине мая. Липы стояли смиренно. Воздух отдавал знойной сладкой примесью. Небо над прудом сделалось грязно-жёлтым. Это бывало, когда солнечный свет смешивался с приближающейся ненастной тьмой. И выходило нечто среднее между Армагеддоном и романтическим ужином. Казалось, что сам Михаил Афанасьевич вот-вот выйдет из-за угла, поправит пенсне, сядет на соседнюю скамейку и закурит, наблюдая, как его любимый город снова готовится к чему-то странному.

Лида сидела на скамейке под липами. Рядом, закинув ногу на ногу и попивая холодный чай из кондитерской на углу Большой Садовой, устроилась Света. На ней был короткий сарафан Зимерман, лёгкий цветочный принт которого напоминал размытый розово-фиолетовый акварельный этюд. Она покачивала ногой, потряхивая коричневую шлёпку Эрмес. Шлёпка болталась на пальцах, вот-вот грозя соскользнуть, но Света всякий раз удерживала её заметным движением большого пальца.

— Тебе звонят, — сказала Света, кивая на телефон Лиды. Лида нехотя глянула на экран. Это был Игорь.

— Да.

— Ты где? Почему так долго не берёшь трубку?

— На Патриарших. Со Светой. Телефон был на беззвучке.

— Зачем тебе вообще телефон, если он у тебя постоянно на беззвучке? — недовольно пробубнил Игорь, он делал так всегда, если Лида отвечала дольше пяти гудков. — Когда придешь домой?

— Не знаю. Ещё погуляем.

— Ты на машине?

— Нет. Пешком.

— Возьми такси. По прогнозу гроза.

— Хорошо.

— Или позвони, я сам тебе вызову.

— Хорошо.

Звонок завершился. Лида медленно выдохнула. Разговор кончился, а осадочек остался.

Света смотрела на неё поверх стаканчика.

— Ну что? Отчиталась? Где, с кем, когда домой, почему пешком. Ты ему ещё не присылаешь геолокацию? Я бы не удивилась.

— Знаешь, в последнее время он давит сильнее. Раньше я спускала ему это с рук. А теперь он будто чувствует, что я отдаляюсь, и сжимает хватку. Спокойно реагировать на такое становится всё сложнее.

— Он всегда сжимал. Ты не замечала, потому что не пыталась вырваться.

Лида задумалась:

— Недавно я купила себе короткую юбку. Не мини, выше колена, конечно. И красную помаду. Шла по Арбату, и увидела в витрине. Захотелось для настроения. Дома накрасилась и нарядилась. Думала, может, куда-нибудь вечером сходим...

— Сходили? — спросила Света с лёгкой иронией, уже заранее зная ответ.

— Он мне сказал: «Странно, тебе это не свойственно». Будто у него есть какая-то утверждённая версия меня, а то, что за её пределами, подозрительно. А если подозрительно — значит, я что-то задумала и ему вру. И он ходил весь вечер мрачный. А потом бросил за ужином: «Ты же понимаешь, что ты без меня никто?!»

Света недовольно фыркнула:

— Ишь ты! Красной помады испугался. Знаешь, почему так? Ты, моя дорогая подруга, всегда сидела тихо и была удобной. А теперь ты пишешь книжки, ведешь блог, покупаешь красную помаду и короткую юбку. От этого наш крутой ресторатор и труханул. Ведь если ты начнёшь нравиться другим, ты начнёшь нравиться себе. А если ты начнёшь нравиться себе — ты перестанешь быть удобной ему. А если ты перестанешь быть удобной ему... — перечисляла Света, загибая пальцы, но Лида перебила подругу.

— Он не боится меня потерять, он всегда это подчёркивает!

— Звездит как дышит! — шумно вздохнула Света. — Игорёша боится. И ещё как! Но он хитренький. Поэтому и втирает тебе про то, что ты без него никто. Это страховка, чтобы ты не дёргалась. И всё. Тю-тю. Замочек закрыт. Ключик выброшен. И Лидочка сидит в своей комфортабельной тюрьме. И Лидочке кажется, что так и должно быть. И уже не хочется ей ни юбки, ни помады, ни жить свою жизнь. И согласна она быть ему удобною женою, потому что быть никем страшнее.

— Свет, ты меня успокаиваешь, спасибо. Но я ведь правда никто. Он знает меня лучше, чем кто бы то ни было. Мы столько лет вместе. Кто ещё скажет мне правду?

Света развернулась к ней и перестала трясти шлёпкой.

— Так. Стоп. Давай разберём теперь эту уебищную конструкцию в твоей голове! Ты живёшь с человеком, который убеждает тебя, что ты без него никто. Ты веришь ему, потому что он типа знает тебя лучше всех. Но ты думаешь, что он знает тебя лучше всех именно потому, что ты живёшь с ним. А ты живёшь с ним именно потому, что он убедил тебя, что ты никто. Получается, замкнутый круг! Ты не никто. И нужно, чтобы кто-то тебе об этом уже сказал... Раз сама не веришь...

Лида замолчала.

Где-то вдалеке сверкнула ярко-фиолетовая молния.

Света вздохнула.

— Лидун, ты имеешь право на всё! На красную помаду.

На короткую юбку. На любовь. На слёзы. На злость. И чтобы въебать попутавшему берега Игорьку за «никто».

У Лиды заблестели глаза. И она заплакала бы, если бы в этот самый момент не увидела его.

Кирилл шёл по аллее в компании двух друзей. Он был в простой тёмной футболке, в джинсах и с рюкзаком на плече. В прочем, как и всегда. По правую руку от него эмоционально о чём-то рассказывал высокий бородатый парень в белом поло. А по левую — шла девушка с короткой стрижкой и в очках с оправой-многоугольником. Крупные шумоподавляющие наушники болтались у нее на шее. Она не смотрела на дорогу, а что-то сосредоточенно печатала в телефоне.

— Я сейчас, — сказал Кирилл друзьям.

Бородатый проследил за ним взглядом. И присвистнул. Девушка, не поднимая глаз от экрана, пнула его локтем в бок.

— Привет, — сказал Кирилл, подходя к Лиде.

— Привет.

Света перевела взгляд с одного на другого. Потом наклонилась к подруге и прошептала достаточно громко:

— Ну ничего себе! Так ты всё-таки следуешь моим советам?!

— Потом, — прошипела Лида.

Света тут же развернулась к Киру и окинула его долгим взвешивающим взглядом. И, в конце концов, улыбнулась. Это означало, что проверка пройдена «на отлично».

— Так, давай знакомиться. Я Света. Подруга Лиды. А ты?..

— Кирилл.

— Очень приятно, Кирилл. Чем занимаешься?

— Я писатель.

— Писатель! — Света игриво ахнула. — Это же прекрасно! Писатели — народ с воображением. А воображение, знаешь ли, в жизни очень пригождается. Особенно в личной.

— Света... — начала Лида.

— Я поняла. — подмигнула Света. — Не буду мешать развитию сюжета. Пока-пока!

Она подскочила со скамейки, как теннисный мячик, подхватила плетеную сумочку и, бодро ею размахивая, зашагала в сторону Ермолаевского переулка.

Кирилл сел рядом. И Лида почувствовала его запах.

Пиликнул телефон. Света прислала смс: «Твой писатель ходячий секс!! Не будь душой!! Желая тебе греха)».

— Что-то важное? — спросил Кир. Кажется, он успел прочитать пуш.

— Не совсем, — покачала головой Лида.

Повисло неловкое молчание. Лида чувствовала себя странно, поэтому начала первой:

— Помнишь, я спросила у тебя, увидимся ли мы еще?

— И я тогда ответил: «Если получится».

— Да, — кивнула Лида. — Получается, получилось?

— Получается. Но это был дурацкий ответ. Я потом за

него себя ругал.

— Мммм... — многозначительно кивнула Лида. — Значит, первое, что пришло на ум, было «да»?

Она специально посмотрела на него как можно пристальнее. И Кир не отводил взгляд.

— Первое было «да». Второе — «если получится». Третье — «Морозов, ты debil». И... извини меня за это дурацкое «если».

— Да ладно. Что там извиняться... — Лида махнула рукой, как будто это совершенно не имело для неё значения. Хотя имело. Ещё как имело.

— Как муж? — продолжил беседу Кирилл.

— Открывает новый ресторан.

— Я слышал, — ответил он.

— Москва — большая деревня... — поддакнула Лида.

— Да, особенно когда фамилия твоего мужа на каждом втором баннере.

Она улыбнулась, немного помолчала. И произнесла с наигранным подхалимством:

— А как Алина?

Кир прижмурился, будто разглядывал в её вопросе что-то, чего она сама не хотела показывать.:

— Значит, ты читала моё письмо?

— Читала. — Лида пожала плечами, передавая телом ощущение непринуждённости.

— Почему тогда не ответила?

Она молчала.

— Так почему? — повторил он. — Я старался. Подбирал слова. А ты эмодзи даже не прислала...

— Ты ждал эмодзи?

— Я ждал хоть чего-то. Думал — ну, может, она напишет. «Спасибо, Кир, вы очень любезны». Или: «Иди к чёрту, Морозов». Но ты промолчала.

— А зачем ты пришёл к нам в ресторан? — Лида перекинула неудобный вопрос.

— Это для книги! Собираю материал.

— И про что книга?

— Про женщину. Которая слышит стук ложки.

Лида усмехнулась.

— Знакомый сюжет.

— Очень. Я его у одной читательницы позаимствовал. Она, правда, была не в курсе.

— Хочешь сказать, она бы не догадалась, когда прочитала?

— Конечно, догадалась бы. Она вообще догадливая. Но иногда притворяется, что ничего не понимает.

Лида покачала головой. Ей хотелось то ли рассмеяться, то ли дать ему в ухо. Она ещё не решила.

— Ещё у меня есть сюжет про кота, — продолжил он.

— Бегемота?

— Нет. Хотя по компетенциям похож. Он жил в подвале и считал, что мир устроен неправильно. Я этот текст давно на-

писал, но никому не показывал. Так и лежит в столе. Бойтся выходить в свет. Кот, как ты знаешь, существо осторожное.

— А ты?

— А я, в отличие от кота, сегодня вышел. И не жалею.

Она улыбнулась. А он вдруг посмотрел на неё — не иронично, а внимательно.

— У тебя ещё вот здесь, — он провёл пальцем возле своего глаза, — морщинки. Когда ты смеёшься, они появляются. И ты становишься на десять лет моложе.

— Это ирония? — спросила она.

— Нет. Я серьёзно. Я вообще редко говорю серьёзно. Но сейчас — да.

Она смотрела на него. И ей было хорошо. Так хорошо, как не было давно.

— Вот тут у тебя. — Он провёл пальцем по костяшкам, и Лида вздрогнула. — Мозоли. На сгибах. Откуда они?

Она опустила глаза. На секунду ей захотелось отдернуть руку. Но она не стала. Он спрашивал о том, о чём она никому не рассказывала. И ей не хотелось врать.

— Ты знаешь, ты первый человек, который меня об этом спросил.

— Я наблюдательный...

— Тогда слушай. Было у нас одно предприятие на Вятке... Амбициозное. И был человек, который его приватизировал. А я...была его любовницей. Читай — глупой провинциальной девочкой оттуда же. С красивой фигурой и необычными

чертами лица. И один раз мы кутили в ресторане, и по глупости я позволила поцеловать свою руку его другу. А любовник мой был человеком крайне вспыльчивым... И в отместку он прищемил автомобильной дверью мою ладонь. Переломал мне кости. Кожа заживала месяц. И теперь осталось так на всю жизнь — она расправила ладонь, обнажая на костяшках грубую кожу, торчащую бугорками.

Кир молчал. Потом сказал:

— Мне жаль, что это с тобой случилось. И ещё — у тебя действительно красивая фигура. И необычные черты лица. Но в хорошем смысле. Так что любовник твой, этот... приватизатор-отморозок... не соврал. Ты как фреска. Которую не сразу понимаешь, но оторваться взглядом невозможно.

— Красиво...

— Я вообще-то писатель. Мои слова имеют вес.

Она фыркнула.

— Тяжёлый вес у твоих комплиментов.

— Килограмма на три.

Она снова улыбнулась. И в этот момент, словно по заказу, словно сама булгаковская Москва решила, что сцена затянулась и пора добавить драматургии, небо разверзлось.

И дождь обрушился на них мгновенно!

Аннушка, наверное, снова разлила что-то не то. Только на этот раз в масштабах Патриарших прудов. Люди на аллее бросились врассыпную — кто к арке, кто под козырёк летнего кафе, кто просто бежал, прикрывая голову сумкой.

Кирилл схватил Лиду за руку и потянул на газон под старую раскидистую липу.

— Сюда!

Они встали под кроной. Вода лилась с листьев, но у ствола, было почти сухо. Лида прижалась спиной к дереву. Кирилл стоял напротив. Так близко, что она чувствовала его дыхание.

Вдруг из ниоткуда появилась маленькая юркая продавщица в ярко-зелёном полиэтиленовом плаще с капюшоном. В руках у неё был дождевик.

— Молодые люди! Дождевик! Последний остался! Берите!

Кирилл полез в карман. Вытащил купюру и передал её бабушке. Продавщица вручила ему свёрток. И растворилась в дожде, как будто была не человеком, а частью этой странной патриаршей мистики.

— Он один, — сказал Кирилл, разворачивая голубой полиэтилен.

— Значит, один, — ответила Лида.

Он накинул дождевик себе на плечи, распахнул его, как крыло, и притянул Лиду к себе. Полиэтилен накрыл их тесным душным коконом. Дождь барабанил по пластику громко. Но ещё громче стучало его сердце.

Лида обомлела.

Широкая ладонь Кирилла скользнула по её талии вверх и остановилась на спине, где ткань расходилась, оставляя от-

крытой кожу. Сарафан держался на тонких ленточках, перекрещенных между лопаток. Он медленно провёл пальцами вдоль одной из них. Зацепил. Чуть оттянул. И запустил под неё ладонь.

Его пальцы легли на её спину, и он начал массировать кожу с такой уверенностью, будто знал, где у Лиды зажат каждый позвонок. Затем провёл большим пальцем к лопаткам. И она почувствовала, как по всему телу побежали мурашки.

Она боялась поднять глаза, так было и в баре. Поэтому просто уткнулась носом в его тёмную футболку, рассматривая на ней крапинки дождя. Тогда Кир коснулся губами её виска. Потом спустился ниже. И нашёл её губы.

Его рука двигалась под ленточками, гладила, разминала, забиралась всё дальше. Пальцы нащупали край кружевного белья. Под юбкой. Он замер на секунду. Провёл по кромке — туда, где кружево уже намокло и стало почти прозрачным. Лида позволяла. Не отдёргнулась. И не убрала его руку.

Он оторвался от её губ и уткнулся лицом в шею. В районе ключицы. Куда она всегда наносила парфюм. Кир провёл щекой по нежной коже. Щетиной. Лида выдохнула и чуть откинула голову, обнажая шею все больше. Он двинулся дальше, нарочно ведя щекой по её шее сзади, где волосы намокли и прилипли к коже. А потом спустился ниже, к плечу. Специально. Он хотел, чтобы она почувствовала это — колючую, жёсткую дорожку, которую он прокладывал по её коже.

Лида извивалась, как будто тело жило отдельно от разума.

Её плечи то поднимались, то опускались. Она не контролировала эти движения. Он вёл щекой, и мурашки бежали следом. Он останавливался — и они замирали. Он снова вёл — и они снова появлялись.

Он наклонился к её уху. Прижался губами почти к самой мочке. И прошептал:

— Твоё тело сдалось мне раньше, чем ты сама. Я чувствую тебя. И сейчас... если я ещё раз проведу пальцами вот здесь, — он зацепил кромку кружева и чуть оттянул, — ты...

Лида грубо оттолкнула его.

Дождевик соскользнул с его плеч и упал на траву. Дождь хлынул на них сверху, как отрезвляющий душ. И вместе с холодной водой на Лиду обрушилось осознание: ещё секунда — и она бы не остановилась.

— Ты что творишь?! — выкрикнула она, перебивая шум ливня. — Ты вообще соображаешь, что ты делаешь?!

— А ты?

— Я замужняя женщина! У меня муж!! А ты ведёшь себя как... как будто тебе всё можно! Безответственный взбалмошный мальчишка!

— То есть сначала ты позволяла мне трогать себя. А теперь — «замужняя женщина»? Ты определись!

— Я определилась! Я не хочу! Не хочу этих чувств! Ты думаешь только о себе!

— Я только думаю о тебе. Всё время. С того самого письма.

— Тогда думай головой, а не... — она осеклась. — У меня муж. Всё! Разговор окончен!

— Перестань себе врать! Ты несчастна с ним. А сейчас ведёшь себя как девчонка, которая впервые осталась наедине с парнем и очкует, что её спалит папочка.

— Замолчи!

— Не замолчу. Ты хочешь меня. И убегаешь.

Его глаза горели. Мокрая чёлка прилипла ко лбу. А она смотрела на него и ненавидела — за то, что он прав.

— Прощай, — сказала она.

Развернулась и пошла по газону. Не оборачиваясь. Дождь изо всех сил лупил по плечам. Сарафан прилипал мокрой юбкой к ногам.

Он догнал её в несколько шагов. Схватил за руку. Дёрнул на себя.

— Лида.

— Отпусти.

— Не отпущу. Можешь ударить меня, если хочешь. Но ты не уйдёшь вот так.

— Уйду!

Она вырвала руку.

— Прощай, Кир.

И пошла. По аллее. Потом мимо скамейки. Потом за поворот.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.